

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

Св. Тихонъ. Св. Митрофанъ.

ПРИВЕЩЕНІЕ

**КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ**

15-го Іюня

№ 12

1880 года.

ПОУЧЕНІЕ О ГЛАВНЫХЪ ИСТИНАХЪ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

Поученіе 5-е, о томъ же.

Прошедшій разъ, бр. мы бесѣдовали съ вами о святѣйшемъ высочайшемъ таинствѣ Пресв. Троицы, а именно о томъ, что въ Одномъ Богѣ Три Лица, или-что Три Лица Пресв. Троицы Отецъ, Сынъ и Св. Духъ есть Единъ Богъ. Теперь же побесѣдуемъ о личныхъ свойствахъ каждаго Лица Пресв. Троицы и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между Собою.

Св. церковь наша изъ разныхъ мѣстъ св. Писанія и по наученію Св. Духа составила на вселенскихъ Соборахъ и

утвердила на вѣчныя времена непреложное и неизмѣнное учене обь этомъ высочайшемъ Таинствѣ. Здѣсь каждое слово будетъ не наше, а заимствованное Св. церковію отъ Божест. Откровенія, а потому бр. слушайте со вниманіемъ.

Первое Лице Пресв. Троицы есть Богъ Отець. Сотворивъ все видимое и невидимое въ опредѣленное Имъ время, Самъ Онъ пребываетъ вѣчно, т. е. неимѣетъ ни начала, ни конца Своего бытія, а всегда былъ, есть и будетъ; для Него нѣтъ ни вчера, ни завтра, потому что для него нѣтъ времени, которое Онъ же сотворилъ для насъ, а Самъ ничѣмъ не ограниченъ. Онъ есть начало и причина всего существующаго. Онъ ни отъ кого не рождается и не исходитъ.

Второе Лице Пресв. Троицы есть Богъ Сынъ Божій. Будучи также Творцемъ всего видимаго и невидимаго, началомъ и причиною всего существующаго, Онъ непостижимо раждается отъ Бога Отца прежде всѣхъ вѣковъ и временъ, а потому также вѣченъ, какъ и Богъ Отець. Онъ называется *Единороднымъ* Сыномъ Божиимъ потому, что хотя и всѣ мы называемся сынами или чадами Божиими, но называемся такъ по благодати и усыновленію, ибо мы не рождены отъ Бога, а сотворены Имъ, а Сынъ Божій Одинъ раждается отъ Бога Отца, помните—раждается, а не сотворенъ или созданъ,—между тѣмъ и другимъ, т. е. между рожденіемъ и сотвореніемъ есть различіе необъятное,—Сынъ Божій, говоримъ, Одинъ раждается отъ Бога Отца, изъ нѣдръ Отчаго Существа, почему и называется Единороднымъ;—раждается Свѣтъ отъ Свѣта, Истинный Богъ отъ Истиннаго Бога, а потому и есть Одного Существа съ Богомъ Отцемъ,—раждается вѣчно, безначально и непостижимо, а потому также какъ и Богъ Отець—безпредѣленъ, безначаленъ и никѣмъ, ничѣмъ и ни въ чемъ неограниченъ. Дабы устранить при этомъ всякую мысль, малѣйшее представленіе чего либо похожаго на

человѣческое рожденіе, св. Писаніе часто называетъ второе Лице Пресв. Троицы, т. е. Сына Божія Словомъ, и тѣмъ подаетъ какъ бы такую мысль, что какъ наше Слово раждается отъ мысли, такъ на подобіе этого и Сынъ Божій раждается отъ Бога Отца, хотя объяснить это высочайшее и непостижимое рожденіе нельзя ни какими сравненіями и подобіями, какъ Самъ Господь свидѣтельствуетъ объ этомъ устами Пророка: *Кому Мя уподобите?* Ис. 46, 5.

Третіе Лице Пресв. Троицы есть Богъ Духъ Святой. Вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ Онъ есть Творецъ всего видимаго и невидимаго, начало и причина всего существующаго. Онъ не раждается отъ Отца какъ Сынъ, а исходитъ отъ Него. Помните, бр., что Духъ Святой исходитъ отъ Отца, а не сотворенъ отъ Него, какъ учили нѣкоторые еретики, которые считали Духа Святаго только силою Божіею сотворенною, или высшимъ Ангеломъ, за что Св. Православная Церковь отлучила ихъ отъ Себя и ученье ихъ вмѣстѣ съ ними предала анаемѣ;—Духъ Святой исходитъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣговъ и временъ, а потому также вѣченъ какъ Отецъ и Сынъ, исходитъ отъ Отца, изъ нѣдръ Отчаго Существа, почему и есть Одно Существа съ Отцемъ и Сыномъ, исходитъ отъ Одного Отца, а не отъ Отца и Сына, какъ учатъ Западныя Христіане—Нѣмцы, Французы, Англичане и пр. отдѣлившіеся чрезъ такое лжеученіе отъ единства Православной Христовой Церкви,—исходитъ отъ Отца, вѣчно, безначально и непостижимо, а потому также какъ и Отецъ и Сынъ—безпредѣленъ, безначаленъ и никѣмъ, ничѣмъ и ни въ чемъ не ограниченъ.

Эти Три Божескія Лица хотя пребываютъ въ Единомъ Божествѣ нераздѣльно, ибо Суть Одно существо, которое мы называемъ Богъ, но и не сливаются въ Одно Лице, а пребываютъ неслиянно, впостастно, ибо Богъ есть Отецъ, Богъ

есть и Сынъ Божій, Богъ есть и Духъ Святый, но не Три Бога, а Три упростасныя Божескія Лица Единого нераздѣльнаго Существа Божія,—Три Лица—Одинъ Богъ. Притомъ помните, бр., что между Тремя Лицами Единого Божества—Отцемъ, Сыномъ и Св. Духомъ нѣтъ ни старшаго, ни младшаго, ни большаго, ни меньшаго, но въ славѣ, величій, силѣ, достоинствѣ, чести, во всѣхъ существенныхъ свойствахъ и безконечныхъ совершенствахъ Божества всѣ Три Лица совершенно равны между собою.

Теперь повторимъ вкратцѣ это Божественное учение о Тайнствѣ Пресв. Троицы; а вы, возлюб., слушайте съ величайшимъ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ это учение заимствовано Православною Церковію не отъ человѣческой мудрости, а отъ Божественнаго Откровенія, и составляетъ самую высочайшую и важнѣйшую истину нашей Православно-христіанской вѣры. Счушайте же.

Единъ Богъ во Св. Троицѣ, т. е. въ Трехъ Лицахъ поклоняемый есть—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ. Богъ Отецъ ни отъ кого не раждается и не исходитъ, Богъ Сынъ Божій раждается отъ Бога Отца, Богъ Духъ Святый исходитъ отъ Бога Отца. Эти Три Божескія Лица суть Одно Божеское Существо,—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, какъ воспѣваетъ Св. Церковь, Троица Единосущная и нераздѣльная, т. е. въ Трехъ Лицахъ Одно Существо,—Три Лица Одинъ Богъ, *Триединный* Богъ.

Сія вѣра Апостольская, Сія вѣра Православная, Сыномъ Божиимъ Господомъ нашимъ І. Христомъ отъ Бога на землю принесенная, Св. Духомъ намъ открытая, Св. Апостолами во всемъ мірѣ проповѣданная и насажденная, Св. Православною Церковію принятая и на вселенскихъ Соборахъ засвидѣтельствованная и утвержденная.

Вотъ вамъ, бр. краткое изложеніе истинъ Православно

Христіанской вѣры о высочайшемъ Таинствѣ Пресв. Троицы. Будемъ же, возлюб., всѣмъ сердцемъ нашимъ, умомъ и всею душою нашею твердо и неизмѣнно вѣровать и исповѣдывать Единого Бога въ Троицѣ именуемаго, — будемъ на всякое время и на всякомъ мѣстѣ отъ всего существа нашего воздавать славу, честь, поклоненіе и благодареніе Отцу и Сыну и Св. Духу — Единому Богу нашему во вѣки вѣковъ. Аминь.

Поученіе 6-е о томъ, что Господь сотворилъ міръ видимый и невидимый.

Въ предыдущихъ бесѣдахъ нашихъ, бр., мы, по указанію Св. Писанія и ученія Церкви, раскрыли и уяснили вамъ понятіе о томъ, что Богъ есть Духъ всесовершенный и вездѣсущій, что въ Одномъ Богѣ Три Лица — Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, и что эти Три Лица суть Одно Существо, которое мы называемъ Богъ. Послѣ того, какъ мы такъ обр. уяснили себѣ по возможности понятіе о Богѣ, намъ слѣдуетъ теперь перейти къ тому, что Сей Трїединный Богъ сотворилъ міръ и всю вселенную, все видимое и невидимое.

Будучи Самъ въ Себѣ совершенно доволенъ и блаженъ, Господь сотворилъ міръ не покойливо нуждѣ, какъ будто-бы Ему чего либо не доставало, а для того, чтобы явить Славу свою Тварямъ и тѣмъ сдѣлать ихъ участниками Своего блаженства, сотворилъ единственно по благиости своей, и при томъ сотворилъ все изъ ничего и безъ всякаго затрудненія и препятствія, силою Своего всемогущества, — сотворилъ все однимъ хотѣніемъ Своимъ, одною мыслию и однимъ словомъ Своимъ. Видите бр. какъ благъ и всемогущъ Господь нашъ!

Какъ же и въ какомъ порядкѣ Богъ сотворилъ міръ? Безъ всякаго сомнѣнія, прежде видимаго міра сотворены Богомъ небесныя силы, т. е. Ангелы, которыхъ безчисленное

множество и которые составляютъ міръ невидимый. Но послѣ этого духовнаго невидимаго міра, Богъ сотворилъ міръ видимый нами въ такомъ порядкѣ: *въ началѣ*, т. е. прежде всего, когда еще не было ни дней, ни времени, *сотвори Богъ небо и землю* быт. 1, 1., говоритъ св. Писаніе. Сотворенныя изъ ничего однимъ всемогущимъ словомъ Божиимъ—небо и земля въ это только—что начинавшееся время были въ общемъ смѣшеніи, и надъ этою смѣсью лежала тьма. Этой неустроенной смѣси Богъ далъ устройство въ шесть дней. Онъ сказалъ: *да будетъ свѣтъ* (ст. 3), и явился свѣтъ, который отдѣлилъ тьму, и съ тѣхъ поръ настали дни и ночи, явились вечеръ и утро: *и бысть вечеръ и бысть утро, день единый* (ст. 5), говоритъ св. Писаніе. Это первый день творенія. Во второй день Богъ сотворилъ твердь или видимое нами небо, т. е. отдѣлилъ небо отъ земли; въ третій день образовалъ воду и сушу, т. е. отдѣлилъ воду отъ суши земной, которая до этого были въ смѣшеніи, и съ этихъ поръ, т. е. съ третьяго дня, по отдѣленіи воды отъ суши, явились моря и рѣки, а земля покрылась травой и разными произрастеніями. Въ четвертый день Богъ сотворилъ свѣтила небесныя—солнце, луну, и звѣзды; въ пятый день сотворилъ всѣхъ птицъ и наполнилъ воды рыбами; въ шестой день сотворилъ Богъ разныхъ четвероногихъ и другихъ животныхъ обитающихъ на землѣ, и наконецъ человѣка, для обладанія и распоряженія на землѣ всѣмъ твореніемъ Божиимъ.

И такъ человѣкъ составляетъ вѣнецъ всей твари. Все творилъ Господь однимъ словомъ Своимъ: *да будетъ*, говоритъ онъ, *и бысть тако*; но предъ сотвореніемъ человѣка, въ тайнѣ Троичности Своей, Онъ, какъ бы составляетъ свѣтъ: *сотворимъ*, говоритъ, *человѣка по образу нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными, и звѣрми, и скотами, и всею землею*

(ст. 26). *И созда Богъ челоуѣка*, говоритъ далѣ св. Писаніе, *персть вземъ отъ земли, и вдуны въ лице его дыханіе жизни: и бысть челоуѣкъ въ душу живу* (гл. 2, ст. 7). Так. обр. самымъ сотвореніемъ челоуѣка Господь не только отличилъ его отъ всѣхъ другихъ тварей, но и сдѣлалъ его царемъ, владыкою надъ ними. Образовавъ изъ земли благолѣпное тѣло челоуѣка, Господь вдунулъ въ него дыханіе жизни—душу живую, одаренную разумомъ, волею и всѣми высокими духовными преимуществами, которыми такъ рѣзко отличается челоуѣкъ отъ безсловесныхъ животныхъ, и которыя составляютъ образъ Божій въ челоуѣкѣ. Сотвореннаго такимъ особеннымъ образомъ перваго челоуѣка Господь называлъ Адамомъ; погрузивъ потомъ Адама въ глубокой сонъ, Господь взялъ отъ него ребро и создалъ изъ него первую жену, которую называлъ Евою. Отъ этихъ-то сотворенныхъ Богомъ первыхъ людей Адама и Евы произошелъ потомъ весь родъ челоуѣческій.

Такъ сотворилъ Богъ міръ видимый, который составляютъ небо, земля, всѣ твари земныя и челоуѣкъ, однимъ словомъ все, что мы видимъ и видѣть можемъ.

Благослови душе моя Господа! Господи Боже мой, возвеличился еси зяло; дивна дѣла Твоя Господи! вся премудростію сотворилъ еси; Слава Тебѣ Господи, сотворившему вся! Такъ Боговдохновенный Пророкъ прославляетъ Творца, удивляясь непостижимому величію и премудрости Его, такъ прекрасно и величественно сотворившаго міръ со всѣмъ его поразительнымъ разнообразіемъ и устройствомъ. Этою священною пѣснью пророка Божія, воспѣваемаго каждый разъ при началѣ суточныхъ Богослуженій, св. Церковь воз-

буждаетъ и всѣхъ насъ къ единодушному прославленію чудесъ творенія Божія.

Въ самомъ дѣлѣ бр., какъ не удивляться этой величественной картинѣ простертаго надъ нами неба, усѣяннаго необъятнымъ множествомъ звѣздъ? Кого не поразить это зрѣлище суши и водъ съ безчисленнымъ множествомъ разнородныхъ животныхъ и произрастеній и удивительная стройность и порядокъ во всемъ вообще мірозданіи? *Дивна дѣла Твоя Господи!* По истинѣ бр. только тотъ, кто слишкомъ уже предался земнымъ дѣламъ и расчетамъ, можетъ не замѣчать вокругъ себя и въ себѣ чудесъ Божіихъ, явленныхъ во всѣхъ вѣщахъ отъ свѣтилъ небесныхъ до послѣдней самоналѣйшей былинки земной. Но непростительно такое равнодушіе, такая невнимательность къ премудрости Творца очевидно обнаруживающейся во всякой вещи и каждой твари; и если кто, при свѣтѣ ума и при ясности великихъ дѣлъ творенія Божія, ходитъ среди этого міра чудесъ въ потьмахъ, если хладнокровно и безъ вниманія смотритъ на окружающую природу, если небрежно, поирая ногами владеетъ и распоряжается различными дарами Божіими, или что еще хуже и ужаснѣе — видя тварь знать не хочетъ Творца: то къ нему можно приложить слово царственного Пророка: *человѣкъ въ чести сый, не разумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (ис. 48, 13).

Да не постигнетъ насъ бр. это строгое слово Пророка Божія, не забудемъ прежде всего, что Господь для того и сотворилъ насъ по образу своему и поставилъ насъ выше всего земнаго, чтобы мы, постоянно упражняя разумъ свой въ разсматриваніи дѣлъ премудрости Божіей, познали благость Творца и отъ всей души прославляли Его во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, какъ непрестанно прославляетъ

Его св. Церковь: *дизна дъла Твоя, Господи! вся премудростію сотворилъ еси; Слава Тебѣ! Аминь.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Праздникъ Пятидесятницы совершался въ древней христіанской церкви съ великою торжественностію и благоговѣніемъ. Этотъ праздникъ, также какъ и Пасха, былъ принятъ христіанскою церковію отъ церкви еврейской, разумѣется, съ сообщеніемъ ему христіанскаго смысла и значенія. Въ еврейской церкви Пятидесятница установлена въ память Синайскаго законодательства, или устройства еврейской подзакононой церкви; ¹⁾ въ христіанской церкви съ нею соединено воспоминаніе также объ устройствѣ христіанской церкви Самимъ Господомъ, явившимся Апостоламъ въ продолженіе сорока дней, и Святымъ Духомъ, сошедшимъ на Апостоловъ въ пятидесятый день отъ дня Воскресенія Христова.

Самое слово *Пятидесятница* иногда означаетъ все пространство времени между днемъ Пасхи и Пятидесятницы, которое было непрерывнымъ праздникомъ; иногда же берется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и означаетъ самый день сошествія Святаго Духа на Апостоловъ. Въ первомъ смыслѣ Тертуліанъ, какъ-бы торжествуя надъ язычниками, о Пятидесятницѣ говоритъ слѣдующіе: «У язычниковъ каждый день празднуется однажды въ годъ, а у тебя (христіанинъ) празд-

¹⁾ Ветхозавѣтная пятидесятница имѣла слѣдующія замѣчательныя особенности: 1, связь ея съ Пасхою; 2, освященіе плодовъ земныхъ; 3, воспоминаніе Синайскаго законодательства; 4, обильныя жертвы; 5, Собраніе народа предъ Господомъ и 6, всеобщее веселіе и радость.

никъ всякій седьмой день (т. е., день воскресный). Отбери и поставь въ порядкѣ всѣ языческія празднества; они не наполняютъ Пятидесятницу». ²⁾ Онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Пасха есть болѣе торжественный день для крещенія, а потомъ Пятидесятница—самое продолжительное время для крещенія, въ которое и воскресеніе Господа воспоминалось, и благодать Святаго Духа обѣтовалась». ³⁾ Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ Тертулліана видно, что онъ подъ Пятидесятницею разумѣетъ не одинъ день сошествія Св. Духа на Апостоловъ, но все время, проведенное Спасителемъ съ Его учениками по воскресеніи, для убѣжденія ихъ въ дѣйствительномъ совершеніи этого послѣдняго.

Въ праздникъ Пятидесятницы, изъ особеннаго къ нему уваженія, запрещались разными юридическими актами христіанскихъ государей всѣ публичныя зрѣлища, игры и всевозможныя развлеченія въ театрахъ и циркахъ, и это запрещеніе простиралось на все продолженіе Пятидесятницы. ⁴⁾ Въ силу гражданскихъ законовъ христіанскаго Рима и по требованію древней церкви, дни Пятидесятницы должны были быть временемъ торжественнаго благоговѣнія, все чувственное, вредно вліяющее на нравственность народа, было запрещено въ то время, когда умы всѣхъ христіанъ должны заниматься богослуженіемъ и воспоминаніемъ чудесъ и подвиговъ, совершенныхъ Апостолами въ дѣлѣ всемірнаго распространенія ими Евангельскаго ученія. Съ этою цѣлію въ практику древней церкви вошелъ обычай—читать въ церкви въ продолженіе Пятидесятницы Дѣянія св. Апостоловъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ св. Іоаннъ Златоустъ, который на вопросъ: для чего

²⁾ О идолослуж. гл. 14.

³⁾ О крещеніи гл. 19.

⁴⁾ Код. Феод. о зрѣлищахъ.

въ Пятьдесятницу читаются Дѣянія Апостольскія? въ одной изъ своихъ бесѣдъ отвѣчаетъ, что «чудеса Апостоловъ, описанныя въ сей книгѣ, служатъ доказательствомъ воскресенія Господня; а потому Святые Отцы и постановили: тотчасъ послѣ Креста и воскресенія читать то, что наипаче удостоверяетъ въ семь воскресеніи, дабы люди имѣли ясное и несомнѣнное удостовѣреніе въ этой тайнѣ». *)

Въ продолженіе Пятьдесятницы, также какъ и въ день воскресный, запрещалось поститься и преклонять колѣна, потому что въ эти дни Церковь торжественно и съ веселіемъ совершала память воскресенія Господня. Туртуллианъ говоритъ: «Въ день Господень, мы неприличнымъ почитаемъ поститься или молиться съ колѣнопреклоненіемъ. Съ тою же свободою со дня Пасхи до Пятьдесятницы мы радуемся». †) Епифаній говоритъ: «Въ дни Пятьдесятницы, ни колѣнъ ни преклоняють, ни постятся». ‡) Тоже подтверждаютъ и каноническія постановленія древней церкви; напримѣръ, въ 20-мъ правилѣ перваго Никейскаго Собора говорится: «Поелику въ день Господень и въ самые дни Пятьдесятницы нѣкоторые преклоняють колѣна, то для общаго единообразія во всѣхъ епархіяхъ, святой Соборъ постановилъ, чтобы молились Богу стоя». Нужно впрочемъ замѣтить, что это правило не имѣло характера всеобщности и обязательности для всѣхъ церквей. Кассіанъ говоритъ, что въ Сирскихъ монастыряхъ указанное правило не такъ строго соблюдалось.

Что касается обычнаго хода административныхъ, судебныхъ и общественныхъ дѣлъ, то они въ дни Пятьдесятницы не прекращались; даже частныя работы непрерывались въ

*) Злат. Бес. 66. т. 5.

†) О вѣнцѣ воин.

‡) Излож. вѣры.

эти дни. Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, ⁸⁾ между двумя, въ которые рабы должны быть свободны отъ работъ, исчисляются: день воскресный, суббота, Рождество Христово, Богоявленіе, Страстная и Свѣтлая недѣли, Пасха, Вознесеніе и Пятидесятница, т. е. день сошествія Святаго Духа на Апостоловъ; но ни слова не упоминается о всѣхъ пятидесяти дняхъ этого праздника.

Изъ дней Пятидесятницы замѣчательнъ день Вознесенія Господня. Начало празднованія этого дня Августинъ возводитъ ко временамъ Апостольскимъ и говорить, что это празднованіе установлено по общему согласію церкви. Іоаннъ Златоустъ называетъ его днемъ *свѣтлымъ* и *свѣтоноснымъ*. ⁹⁾ Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ день Вознесенія причисляется къ великимъ праздникамъ христіанъ; потому что въ этотъ день «кончилось на землѣ домостроительство Христово». ¹⁰⁾ Іоаннъ Златоустъ развиваетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «нынѣ родъ человѣческой примиренъ съ Богомъ; нынѣ продолжительная вражда и брань сотрена и уничтожена; нынѣ возвратился намъ дивный нѣкій міръ, дотогѣ неожиданный. Ибо кто могъ надѣяться, что Богъ вышній примирится съ человѣкомъ? Мы, которые казались недостойными земли, нынѣ вознесены на небо; мы, которые были недостойны и земнаго начальства, взошли въ вышнее царство; мы прошли небеса, взяли царственный престолъ и господства; и природа, для которой Херувимы стерегли рай, сама нынѣ сидитъ выше Херувимовъ ¹¹⁾».

Праздникъ Пятидесятницы заканчивался днемъ сошествія Святаго Духа на Апостоловъ, который также назывался *днемъ Святаго Духа*. ¹²⁾ Сороковый и пятидесятый дни,

⁸⁾ Кн. 8, гл. 33.

⁹⁾ Бес. 38 на Вознесеніе.

¹⁰⁾ Кн. 8, гл. 33.

¹¹⁾ Бес. 35 на Вознес.

¹²⁾ Григор. Назіанз. Слово 44 на Пятдесят.

означенные вознесением Господа и сошествием Св. Духа на Апостоловъ, стали выдѣляться, среди пятидесяти-дневнаго празднества, во II и III вѣкахъ, такъ что въ концѣ III или въ началѣ IV вѣка они стали по преимуществу праздничными днями и образовали собою настоящие праздники: Вознесения и Пятидесятницы, или сошествия Святаго Духа на Апостоловъ. Начало празднованія сошествия Св. Духа нѣкоторые возводятъ къ временамъ самыхъ Апостоловъ. Такъ, на примѣръ, по мнѣнію Епифанія, этотъ именно день разумѣется въ слѣдующихъ словахъ Дѣяній Апостоловъ: *Суди Павелъ мимо эти Ефесъ, яко да не будетъ ему закосити во Ассіи; тщаше бо ся, аще возможно будетъ, въ день Пятидесятный быти во Иерусалимъ* (20, 16). Авторъ *вопросовъ и отвѣтовъ къ православнымъ*, Иустинъ, свидѣтельствуетъ: «Сей обычай получилъ начало со времени Апостоловъ, какъ говорить блаженный Приней, мученикъ и епископъ Лионскій, въ книгѣ о Пасхѣ, гдѣ упоминаетъ и о *Пятидесятницѣ*, въ которую мы колѣнь не преклоняемъ: ибо она *равночестна дню Господню*.¹³⁾ Въ произведеніяхъ перво-христіанской письменности есть также фактическія указанія на празднованіе Пятидесятницы во времена Оригена, Августина и др. Августинъ говоритъ: «Мы торжествуемъ Пятидесятницу, т. е. *пятидесятый день*, отъ страданія и воскресенія Господа, въ который Онъ послалъ намъ Святаго Духа, Утѣшителя, котораго общалъ!»¹⁴⁾ Это празднованіе Пятидесятницы продолжалось всего недѣлю, до слѣдующаго воскреснаго дня, безъ поста и колѣнопреклоненія.

T—въ.

¹³⁾ Иустин. вопр. 115.

¹⁴⁾ Август. противъ Фауст.

Списки министровъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроровъ Святѣйшаго Синода.

По поводу недавняго назначенія, на мѣсто уволеннаго графа Д. А. Толстаго, новыхъ—министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода, въ „Церковномъ и „Церковно-Общественномъ Вѣстникахъ“ сообщаются полные хронологическія списки какъ министровъ народнаго просвѣщенія (со времени учрежденія этого министерства), такъ и оберъ-прокуроровъ (со времени учрежденія Св. Синода). Считаемо неизлишнымъ перепечатать эти списки на страницахъ нашего изданія.

Министры

1. Графъ Завадовскій, 1802—1810.
2. Графъ Разумовскій, 1810—1816.
3. Князь Голицынъ 1816—1824.
4. Адмиралъ Шишковъ, 1824—1828.
5. Князь Ливень, 1828—1833.
6. Графъ Уваровъ, 1833—1849.
7. Князь Ширинскій-Шихматовъ, 1849—1853.
8. А. С. Норовъ, 1853—1858.
9. Ковалевскій, 1858—1861.
10. Графъ Путятинъ, 1861.
11. Головинъ, 1861—1866.
12. Графъ Толстой, 1866—1880.
13. А. А. Сабуровъ, съ 1880 г.

Оберъ-прокуроры:

1. Иванъ Васильевичъ Болтинъ, полковникъ, 1721—1725 г.
2. Алексѣй Баскаковъ, капитанъ гвардіи, 1725—1726.
3. Раевскій, капитанъ арміи, 1726—1741.
4. Князь Яковъ Петровичъ Шаховскій, д. стат. совѣтн. 1741—1753.

5. Аонасій Ивановичъ Львовъ, ст. сов., 1753—1758.
6. Алексѣй Семеновичъ Козловскій, генераль-маіоръ, 1758—1763.
7. Иванъ Ивановичъ Мелиссино, дѣйств. статск. сов., 1763—1768.
8. Петръ Петровичъ Чебышевъ, бригадиръ, 1768—1774.
9. Сергѣй Васильевичъ Анчуринъ ст. сов. 1774—1786.
10. Аполлосъ Ивановичъ Наумовъ, ст. сов. 1786—1791.
11. Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, дѣйств. ст. совѣтн. 1791—1797.
12. Князь Василій Алексѣевичъ Хованскій, 1797—1799.
13. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, 1799—1803.
14. Александръ Алексѣевичъ Яковлевъ, дѣйств. ст. сов., 1803.
15. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, тайн. сов., 1803—1817.
16. Князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій, дѣйств. статск. совѣтн., 1817—1833.
17. Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, дѣйств. статск. сов., 1833—1836.
18. Графъ Николай Александровичъ Протасовъ, генераль-адъютантъ, 1836—1855.
19. Александръ Ивановичъ Карасевскій, тайный совѣтн., 1855—1856.
20. Графъ Александръ Петровичъ Толстой, 1856—1862.
21. Алексѣй Петровичъ Ахматовъ, генераль-адъютантъ, 1862—1865.
22. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, дѣйств. тайн. совѣтн., съ 3 іюня, 1865 г. по 24 апрѣля 1880 г.
23. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, тайн. сов., членъ государств. совѣта, съ 24 апрѣля 1880 г.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Истинное, вѣрное и легкое средство выучить своихъ прихожанъ молитвамъ.—Священникъ села Перень, оргѣвскаго уѣзда о. Стефанъ Гобжила, не смотря на всевозможныя его старанія выучить своихъ прихожанъ главнѣйшимъ молитвамъ, никакъ не могъ достигнуть этого. О. Стефанъ заставлялъ, напримѣръ, причетниковъ читать въ церкви, во время причастна, молитвы съ тою цѣлю, чтобы его прихожане усвоили ихъ себѣ. Но прихожане зѣвали и потому это средство не повело къ ожидаемому. О. Стефанъ просилъ своихъ прихожанъ собираться по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ какой либо домъ и тамъ слушать молитвы и ихъ объясненія, но и это не привело къ цѣли.—Видя, что всѣ принятія имъ мѣры остаются безплодными, о. Стефанъ прибѣгнувъ къ новому средству, весьма простому и легкому. И это средство оказалось вѣрнымъ. О. Стефанъ позволилъ своимъ прихожанамъ произносить въ церкви, когда нужно молитву Господню и Символь Вѣры, и даже требовалъ отъ нихъ этого. Каждый изъ прихожанъ, желая публично въ церкви произнести требуемыя молитвы, спѣшилъ выучить ихъ. Весьма отрадно было о. Стефану видѣть, какъ его прихожане ходили для изученія молитвъ то къ нему, то къ причетникамъ, то къ немногимъ изъ прихожанъ, знающимъ молитвы. Съ того то времени въ церкви молитва Господня и Символь вѣры читаются кѣмъ либо изъ прихожанъ. Мальчики тоже произносятъ молитвы. Благодаря этому средству, прихожане въ два мѣсяца съ лишнимъ выучились молитвамъ и произносятъ ихъ и теперь въ церкви. Послѣ того, какъ прихожане Перенскіе выучились молитвамъ, о. Стефанъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сталъ объяснять въ церкви своимъ прихожанамъ молитвы.—Такимъ то образомъ

о. Стефанъ достигъ того, чего добивался долго и чего съ большими трудностями не могъ достигъ. Средство хорошее; слѣдуетъ воспользоваться имъ.

(Кишинев. Епарх. Вѣд.).

Можно ли священнику, при чтеніи извѣстной разрѣшительной молитвы, читаемой надъ кающимся, не упоминать имени кающагося? — Иной читатель, встрѣтивъ этотъ вопросъ, скажетъ пожалуй, — что напрасно онъ и предлагается, такъ какъ въ разрѣшительной молитвѣ, послѣ словъ: «да простить ти чадо», прямо указано: имя рекъ и что, священникъ, при чтеніи этой молитвы, непременно долженъ упоминать имя кающагося. Такъ. Однакожъ практика священниковъ на предложенный вопросъ отвѣчаетъ не одинаково: одни изъ священниковъ, при чтеніи разрѣшительной молитвы, дѣйствительно поименовываютъ всѣхъ исповѣдниковъ, сколько бы ихъ ни было, а многіе — и многіе, при многолюдствѣ кающихся, удовлетворяются произнесеніемъ словъ: «да простить вамъ, чада»; и не перечисляютъ имена этихъ чадъ. — Другіе же, даже надъ однимъ исповѣдникомъ, читаютъ только: «да простить ти чадо»... Изъ этихъ послѣднихъ, т. е. непридерживающихся буквы разрѣшительной молитвы, нѣкоторые, прочитавъ слова: «да простить вамъ, чада», дѣлаютъ такое обращеніе къ исповѣдникамъ; помяните каждый свое имя, и затѣмъ продолжаютъ чтеніе молитвы и т. п.; другіе же, изъ непридерживающихся буквы этой молитвы, не дѣлаютъ такого обращенія къ исповѣдникамъ. — Чѣмъ руководятся, при своемъ образѣ дѣйствія, священники, отступающіе отъ буквы разрѣшительной молитвы, — я не знаю. Могутъ, пожалуй, сказать иные, что «мало-ли, дескать, кому инакъ, убываетъ отступленій отъ устава»?!

Другіе могут сослаться на примѣръ отцовъ и братій... Третьи могут оправдать это отступленіе неудобствомъ и затруднительностію перечисленія именъ, при многолюдствѣ исповѣдниковъ и т. п. Я не принадлежу къ числу лицъ, которые всякое, даже самамалѣйшее отступленіе отъ «устава» считаютъ грѣхомъ смертнымъ — непощеннымъ, а между тѣмъ, въ тоже самое время сами нарушаютъ уставъ, поставляемые часто въ физическую, или другую какую либо невозможность исполнять его до іоты и тонкости..... Но, — убѣжденъ, есть случаи, когда уставъ церковный, понимаемый въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, долженъ быть выполненъ въ точности. Въ такимъ случаямъ относится и чтеніе разрѣшительной молитвы надъ кающимся. Она составляетъ существенно-необходимую совершительную формулу въ таинствѣ покаянія. Извѣстно, конечно, всякому священнику, что существенно необходимая формула есть въ каждомъ таинствѣ: въ таинствѣ крещенія такую существенно-необходимую формулою служатъ слова: «крещается рабъ Божій имя рекъ» и проч; въ таинствѣ муропомазанія: «печать дара Духа Святаго»; въ таинствѣ прищаченія: «и сотвори убо хлѣбъ сей и проч; въ таинствѣ брака: «вѣнчается рабъ Божій»; въ таинствѣ елеосвященія: «Отче святыи, Врачу душъ и тѣлесъ»; а въ таинствѣ покаянія существенно-необходимую формулою служатъ, какъ сказано, именно эти слова: «Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатию и щедротами Своего человеколюбія» и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что всякому священнику извѣстно, что формула каждаго таинства, какъ существенно необходимая, должна быть выполняема въ точности, а слѣдовательно и формула таинства покаянія. Насъ учили въ семинаріяхъ, что если формула какого-либо таинства не будетъ соблюдаема въ точности, — то не совершится даже и самое таинство. Имѣя это въ виду, иной ученый исповѣд-

никъ, ни слыша своего имени при чтеніи духовникомъ разрѣшительной молитвы, основательно можетъ сомнѣваться и безпокоиться душою, — совершилось ли надъ нимъ таинство покаяніе, — прощенъ ли онъ Богомъ, или нѣтъ... А если такъ, если все это мы знаемъ, то зачѣмъ же намъ и отступать отъ буквы разрѣшительной молитвы?! — Примѣръ отцовъ и братій не можетъ быть намъ указомъ и уставомъ для отступленія отъ «устава» и заповѣданнаго намъ ученія... Что касается неудобства и затруднительности перечисленія именъ при многочудствѣ исповѣдниковъ: то это неудобство и эта затруднительность зависятъ отъ самихъ духовныхъ отцевъ, и слѣдовательно отъ нихъ самихъ зависитъ и устраненіе такихъ неудобствъ. Нѣкоторые изъ священниковъ имѣютъ обыкновеніе — каждаго приходящаго къ исповѣди отыскивать «въ духовныхъ росписяхъ» и тутъ же отмѣчать бытіе его у исповѣди. Безъ всякаго сомнѣнія, неудобно будетъ и затруднительно, по окончаніи исповѣди, перечислять имена исповѣдниковъ, разбросанныя, по разнымъ мѣстамъ, на нѣсколькихъ страницахъ духовныхъ росписей, — тѣмъ болѣе это неудобно, что прихожане обыкновенно являются къ исповѣди не въ одинъ какой либо день... и стало быть имена вновь прибывшихъ исповѣдниковъ, перемѣшанныя въ духовныхъ росписяхъ съ именами прежде бывшихъ, легко могутъ быть забыты духовникомъ. Для устраненія этого неудобства — самое простое средство: не обращаться къ духовнымъ росписямъ при исповѣди, а записывать на отдѣльной бумагѣ каждаго приходящаго къ исповѣди, а затѣмъ, дома, на свободѣ, съ этой бумаги и означать въ духовныхъ росписяхъ бытіе у исповѣди того, или другого прихожанина. — Впрочемъ, иные изъ священниковъ и къ духовнымъ росписямъ не обращаются при исповѣди, и на отдѣльной бумагѣ не записываютъ именъ исповѣдниковъ: неудобство въ перечисле-

ни имень, при чтеніи разрѣшительной молитвы; они нахо-
дятся вѣроятно въ одной лишь ихъ многочисленности. Устра-
нить это неудобство тоже зависитъ отъ насъ самихъ, и
средства для этого также самыя простыя: «поменьше дѣно-
сти и побольше терпѣнія»!... Терпѣніе въ этомъ случаѣ
тѣмъ болѣе необходимо для священниковъ, что оно удалило
бы изъ храма чрезвычайно неприятное и соблазнительное
для народа явленіе — записываніе причетниками именъ при-
ходящихъ къ исповѣди прихожанъ и торговлю за это запи-
сываніе. Всеумо можетъ быть и должно быть дано мѣсто и
свое время... — И такъ, на поставленный вопросъ: «можно-
ли священнику, при чтеніи извѣстной разрѣшительной молит-
вы, читаемой надъ кающимся, не упоминать имени кающа-
гося», должно отвѣчать положительно и рѣшительно: нельзя...
Противъ такого рѣшенія могутъ возразить: «если строго
держаться буквы разрѣшительной молитвы, — въ такомъ слу-
чаѣ всегда слѣдовало бы читать: «да проститъ ти, чадо», а
не «проститъ вамъ чада», и стало-быть разрѣшительную
молитву слѣдовало бы читать надъ каждымъ исповѣдникомъ
отдѣльно»... Но вѣдь иное дѣло — исключеніе изъ молитвы
содержимаго въ ней молитвъ, и совершенно другое неизбежное,
необходимое употребленіе извѣстнаго молитвеннаго во множе-
ственномъ числѣ вмѣсто единственнаго; въ послѣднемъ слу-
чаѣ кажется, нѣтъ отступленія не только отъ смысла, но и
отъ буквы молитвы. (Руков. для сельск. пастырей.)

Разъясненія по вопросамъ пастырской практики.

По вопросу о наблюдении со стороны благочинныхъ за цер-
ковными домами. Новгородская духовная консисторія предписала благочин-
нымъ епархіи, чтобы они 1) обязали вѣренныя имъ причты
имѣть при церкви одинъ церковныхъ домовъ (гдѣ есть тако-

вые), съ подробнымъ обозначеніемъ (всѣхъ ихъ хозяйствен-
ныхъ принадлежностей, и законные на владѣніе ими докумен-
ты. 2) Чтобы они при ввѣдѣ священниковъ въ завѣдываніе
церковію сами лично вводили ихъ и въ завѣдываніе назна-
ченнымъ для нихъ помѣщеніемъ, и другимъ членамъ причта
передавали это завѣдываніе чрезъ мѣстныхъ священниковъ,
съ роспискою, что священникомъ, или діакономъ, или пса-
ломщикомъ помѣщеніе принято по описи. 3) Чтобы наблю-
дали за ремонтъ причтовыхъ помѣщений, не допуская въ
сихъ послѣднихъ передѣлокъ несущественно-нужныхъ, чтобы
на каждый ремонтъ, стоящій не менѣе 100 руб., по пред-
варительномъ обсужденіи всѣхъ членовъ причта и старосты,
испрашивали разрѣшенія епархіальнаго начальства, затѣмъ
употребленный на него расходъ вносили въ церковную кни-
гу, съ обстоятельнымъ указаніемъ, сколько и на что имен-
но израсходовано. 4) Чтобы при каждомъ обзорѣни церкви
обозрѣвали также и причтовые помѣщенія, обращали внима-
ніе на то, застрахованы ли они, опрятно ли, безопасно ли отъ
огня содержатся или проч. и проч. и 5) Чтобы наблюдали и
за такими постройками на церковной землѣ, которыя соста-
вляютъ собственность кого-либо изъ членовъ причта и отда-
ются въ наймы, — на законномъ ли онѣ разстояніи отъ церк-
ви, по какимъ документамъ признаются принадлежащими то-
му или другому члену, оплачиваются ли арендными деньгами
въ церковь и въ пользу другихъ членовъ причта, хорошими ли въ
нравственномъ отношеніи занимаются постояльцами и поддо-
жники. 6) Чтобы наблюдали за состояніемъ книгъ въ приходѣ,
и о снабженіи причтовъ книгами для записи прихода и
расхода братскихъ доходовъ. 7) Чтобы наблюдали за состояніемъ
Минская консисторія слушала предложеніе мѣтнаго пре-
освященнаго о томъ, что въ консисторіи нерѣдко производят-
ся дѣла по взаимнымъ спорамъ между членами причта по

поводу неправильнаго раздѣла братскаго кружечнаго дохода. Причина разнаго рода неправильностей и недоразумѣній заключается, большею частію, въ отсутствіи надлежащей правильности при записи доходовъ и порядка при раздѣлѣ ихъ, и что при обзорѣни церквей преосвященный при нѣкоторыхъ церквахъ не находилъ никакихъ записей доходовъ, при многихъ эти записи ведутся на клочкахъ бумаги и на тетрадкахъ, небрежно содержимыхъ, при немногихъ въ переплетныхъ книгахъ, а также что раздѣлъ и раздача доходовъ нигдѣ не имѣютъ опредѣленнаго порядка, а особенно въ отношеніи ко времени раздѣла; подписи получателей, большею частію, неопредѣленны, напримѣръ таковы: «слѣдующую мѣ часть получилъ, такой-то», но сколько именно и за какое время получилъ—неизвѣстно. Поэтому минскій епископъ предложилъ: не найдетъ ли консисторія возможнымъ заготовить нужное число книгъ бланковыхъ, съ прошнуровкою и скрѣпою ихъ въ консисторіи и вмѣнить всеѣмъ причтамъ съ новаго 1880 года въ обязанность вести приходъ и расходъ братской кружки по симъ книгамъ, съ надлежащею въ нихъ роспискою. Книги должны просматриваться благочинными, а по исписаніи поступать въ церковные архивы на храненіе. Къ исполненію распоряженія преосвященнаго консисторія постановила: 1) для книги о раздѣлѣ причтами братскихъ доходовъ установить форму прихода и расхода изъ графъ: а) № по порядку; б) годъ, мѣсяцъ и число поступленія; в) приходъ и расходъ того, что поступило деньгами и продуктами; г) вѣсомъ—пуды, фунты; д) мѣрою—аршины и четверти; е) деньгами—рубли, копѣйки. Подъ приходными статьями должны быть подписи всеѣхъ членовъ причта. Въ расходѣ записывать поименно кому, когда и сколько чего изъ поступленія записаннаго, подъ какимъ именно № на приходъ, выдано, и подъ сими статьями должна быть росписка получателя,

слѣдующаго содержанія: «столько-то руб. копѣекъ или какихъ либо продуктовъ, означивъ вѣсъ и мѣру, получилъ такой-то. 2) Исполненіе означеннаго порядка записей прихода и расхода возложить на настоятелей церквей, съ отвѣтственностію за неправильность. Наблюденіе за исполненіемъ сего возложить на обязанность благочинныхъ. 3) Означенныя книги заготовить для каждаго причта самостоятельной церкви и для той, гдѣ есть помощникъ настоятеля съ отдѣльнымъ приходомъ, примѣрно каждую изъ 60 печатныхъ бланковыхъ листовъ, переплестъ и припечатать консисторскою печатью съ надписью въ концѣ о количествѣ заключающихся листовъ. И 4) нужный на заготовленіе сихъ книгъ расходъ и на отсылку ихъ къ благочиннымъ, полагая на каждую по 1 руб. 50 коп., отнести на братскій доходъ причта, соразмѣрно получаемой каждымъ членомъ части.

О срокахъ раздѣла братскихъ доходовъ.

Священно-церковно-служители одной церкви Орловской епархіи, отдавая въ аренду церковную землю, брали арендные деньги за каждое полугодіе впередъ и тотъ часъ же раздѣляли деньги между наличнымъ причтомъ; отчего произошло то, что настоятель этой церкви, взявъ впередъ деньги за землю и бывъ вскорѣ послѣ этого перемѣщенъ въ другую церковь, остался должнымъ своему преемнику. По смыслу § 12 Высочайше утвержденныхъ правилъ о мѣстныхъ средствахъ содержанія православнаго духовенства и о раздѣлѣ сихъ средствъ между членами причтовъ, плата, получаемая за отдачу въ аренду церковныхъ земель, должна вноситься для храненія въ братскую кружку и выдаваться изъ оной помѣсячно, или по третямъ года, за истекшее время по

принадлежности. Въ виду этого распоряженіемъ епар. начальства вмѣнено въ обязанность причтовъ немедленно завести какъ кружки для храненія братскихъ доходовъ, такъ и тетради для записи прихода и расхода доходовъ, съ возложеніемъ на настоятелей церквей какъ внесенія всѣхъ доходовъ по запискѣ въ тетради въ братскую кружку, храненія сей послѣдней въ церкви за церковною печатью и замкомъ, и выдачи изъ оной членамъ причта слѣдующихъ доходовъ по истеченіи мѣсячнаго или третнаго срока подъ росписки въ тетрадяхъ, такъ равно съ возложеніемъ на настоятелей же и отвѣтственности за всякое упущеніе, утрату и отступленіе отъ сего порядка.

(Донск. Епарх. Вѣд.)

Разработка народныхъ суевѣрій въ церковныхъ поученіяхъ.

Свящ. села Кабановки бугурусланскаго у. (самарской епархіи) Гавріиль Грекуловъ представилъ на разсмотрѣніе епархіальнаго цензурнаго комитета нѣсколько своихъ поученій о суевѣріяхъ и предрасудкахъ простаго народа. Поводъ и побужденіе, заставившіе проповѣдника взять именно этотъ матеріалъ для собесѣдованія, достаточно выяснены самимъ авторомъ въ предисловіи къ поученіямъ. «Поступивши въ приходъ, говоритъ онъ, я скоро замѣтилъ, что прихожане сильно заражены суевѣріями и предрасудками. Нѣтъ той болѣзни, нѣтъ того несчастія, отъ которыхъ они не думали бы избавиться посредствомъ ворожбы; съ семейными событіями и даже съ хозяйственными занятіями они связываютъ предрасудки». Слѣдующіе случаи еще болѣе убѣдили автора въ зараженности его прихожанъ суевѣріями и породили рѣшительное намѣреніе рядомъ бесѣдъ, систематически изложенныхъ,

разсмотрѣть эти суевѣрія и доказать ихъ преступность. Въ праздникъ Рождества Христова, выходя изъ храма послѣ утрени, я увидаль, рассказываетъ авторъ, на дворахъ пылающіе костры и спросилъ, что это такое. Получивъ невѣрный и уклончивый отвѣтъ, проповѣдникъ увидаль ту же картину и въ виденья Богоявленія Господня. Оказалось, что по мнѣнію нѣкоторыхъ его прихожанъ, преимущественно выходцевъ изъ Курской губерніи, во дни Рождества Христова и Богоявленія Господня умершіе будто бы приходятъ въ дома своихъ родственниковъ, чтобы посмотрѣть на порядки, какіе ведутся въ ихъ прежнемъ земномъ жилищѣ и узнать, хорошо ли идетъ хозяйство. Что-бы покойники не зябли на улицѣ, ихъ родственники раскладываютъ костры среди дворовъ и кладутъ въ нихъ лапоть и воскъ. Покойники грѣются у пылающихъ костровъ, для которыхъ употребляется навозъ, потому что онъ долго горитъ и не даетъ большаго дыма, опаснаго для строеній. Предварительно ряда поученій, о Грекуловъ собралъ данныя о суевѣріяхъ въ приходѣ и въ двухъ бесѣдахъ выяснилъ прихожанамъ всю ихъ пагубу для вѣры православной, а въ заключеніе прочиталь по Требнику и объяснилъ правила церкви о чарованіи, прорицаніи и волхвованіи. Успѣхъ отъ этихъ двухъ бесѣдъ превзошелъ, по видимому, ожиданія проповѣдника. Когда прихожане услышали, что св. церковь на нѣсколько лѣтъ отлучаетъ отъ св. причастія какъ ворожей, такъ и обращающихся къ нимъ, то пришли въ смущеніе. Многие спрашивали его, чѣмъ они могутъ загладить свой грѣхъ; что будетъ съ ихъ умершими родителями и родственниками, не раскаявшимися предъ смертію, по невѣдѣнію; какъ молиться о нихъ. Мы не знали, говорили спрашивавшіе, что ворожить грѣхъ. Но опытъ и наблюденіе показали однакоже заботливому пастырю, что дѣло ворожбы, не смотря на смущеніи

щениі многихъ, ни не препратилось въ приходѣ. Почему онъ убѣдилъ болѣе разумныхъ высказать ему все заговоры, какіе кто знаетъ. Обаялось, что заговоры эти, при всеобщемъ безсмыслии и пустословіи, заключаютъ въ себѣ кощунство и иудіи представленія: о Христѣ, о Спасителѣ, Матери Божіей и освѣтителяхъ. Подробный анализъ собранныхъ авторомъ заговоровъ, до ихъ еретическій и даже богохульный смыслъ, ихъ очевидное до нелѣпости несогласіе съ здоровымъ смысломъ и съ самыми простыми истинами, ихъ вмѣняемость челоуѣку, какъ преступленіе, и составляютъ предметъ и содержаніе поученій. Авторъ не считалъ удобнымъ вводить свои бесѣды въ церковную проповѣдь, а избралъ формулу публичныхъ, въ нѣ церковнаго богослуженія, чтеній или бесѣды, потому что заговоры, имъ разобранные, переполнены кощунствомъ и описаніемъ языческихъ дѣйствій ворожей. Онъ не задался литературной обработкой, а цѣлю въ своихъ поученіяхъ составляетъ то, чтобы посредствомъ простой рѣчи, по возможности приближающейся къ народной, сдѣлать свои чтенія вполне доступными для пониманія простолюдина. Въ предложенныхъ поученіяхъ авторъ еще не исчерпалъ всего предмета и пока прослѣдилъ разные наговоры, къ которымъ прибѣгаетъ простолюдинъ при всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ жизни. Надобно полагать, что онъ продолжитъ разборъ и многихъ другихъ наговоровъ, не оставитъ безъ вниманія и другихъ предразсудковъ; но и то, что сдѣлалъ онъ въ разсчитываемомъ трудѣ, заслуживаетъ вниманія и одобренія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разные наговоры, какъ дѣло темное, передаются обыкновенно по преемству и тайно; въ другихъ, напротивъ, многие изъ сельчанъ смотрятъ на заговоры и наговоры, какъ на дѣло невмѣняемое во грѣхъ, безразличное, а потому и ворожить не почитаютъ и грѣхомъ, на томъ основаніи, что въ наговорахъ этихъ употребляются все имена

священныя: Спаситель, Божія Матерь, св. ангелы. Вслѣд-
 стіе сего послѣдняго взгляда, многіе изъ крестьянъ и крестья-
 нокъ, какъ подмѣтилъ авторъ, не только прибѣгаютъ къ
 наговорамъ и разнаго рода ворожбѣ въ несчастныхъ случаяхъ,
 но, по естественной потребности молиться, за незнаніемъ
 церковныхъ молитвъ, эти самыя заговоры и читаютъ вмѣсто
 молитвъ, отходя, напримѣръ, ко сну. Вотъ, между прочимъ,
 образчикъ такого пустошловія, которымъ темный людъ мнитъ слу-
 жбу приносить Богу. «Ложусь раба № спать, почивать, Св. Духу
 отдыхать, на груди три листа и печать, по сторону крестъ,
 по другую крестъ, крестъ въ руки врученъ, крестъ въ серд-
 це вложенъ. Крестъ спаситель, крестъ сохранитель, спаси
 мою душу, сохрани мое сердце, ангелъ мой! Спаситель мой,
 спаси меня! Врагъ сатана, откачись отъ меня, нѣтъ тебѣ
 дѣло до меня! У насъ въ дому Господень гробъ. На томъ
 гробу печать и три листа. На тѣхъ листахъ написано: Лука,
 Марко, Никита мученикъ за насъ Богу мучатся, Христу Богу
 молятся». Въ наговорахъ преблагословенное имя Божіей Ма-
 тери то и дѣло называется св. Зарей, Марьей, Дарьей, Ма-
 ріанной, красной дѣвицей, о Михаилѣ Архангелѣ говорится,
 что онъ стоитъ на камнѣ бѣль-горючемъ, камень тотъ на
 морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ. Грустно и тяжело
 становится на душѣ за неграмотнаго простолюдина, именующаго-
 ся православнымъ христіаниномъ. Въ виду всего вышесказан-
 наго о суевѣріяхъ, о ихъ гибельныхъ послѣдствіяхъ для вре-
 меннаго и вѣчнаго благополучія человѣка, ознакомленіе со
 смысломъ и содержаніемъ наговоровъ и разъясненіе ихъ, и
 разъясненіе притомъ не поверхностное, а всестороннее, и отъ
 слова Божія, и отъ разума, и отъ ученія церкви, наглядно
 доказывающее все безсмысліе и богопротивность ихъ, разъ-
 ясненіе, по возможности, приспособленное къ пониманію про-

столюдина, дѣло весь смаблагопотребное и похвальное со стороны пастыря церкви.

(Самар. Е. В. № 13).

Осторожность, необходимая при наложеніи эпитиміи на кающихся.

Что касается отлученія отъ Св. Таинъ, какъ одной изъ самыхъ важнѣйшихъ эпитимій, то въ сомнительныхъ случаяхъ духовникъ не иначе можетъ налагать эту эпитимію, какъ съ разрѣшенія архіерея, которому долженъ предложить на разсужденіе состояніе кающагося; впрочемъ не именуя его, и ожидать отъ него разрѣшенія (Духовн. Регл. прибавленіе о правил. причетник. церк. § 13, 14). Всего чаще смущаетъ духовниковъ въ настоящее время вопросъ объ отношеніи ихъ къ явнымъ блудникамъ, прелюбодѣямъ и т. п. Но при этомъ мы не можемъ не посовѣтывать духовникамъ дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ съ особенною осторожностію и благоразуміемъ. Насколько намъ удалось справиться съ практикой болѣе опытныхъ священниковъ въ этихъ обстоятельствахъ, то всего лучше поступаютъ при этомъ тѣ, которые не сразу берутся за крутыя мѣры и сильныя средства. Напротивъ, если къ священнику явится на исповѣдь человекъ, который сознается, что онъ находится въ незаконномъ сожитіи, то священникъ долженъ сначала благоразумно и со властію убѣждать такового оставить оное, или покрыть законнымъ супружествомъ, если это возможно, и если кающійся согласится на то или другое, то священникъ можетъ съ спокойною совѣстію разрѣшить его и удостоить св. причастія, по обычаю. Если же грѣшникъ и послѣ этого не исправится, то на слѣдующей исповѣди, священникъ долженъ пригрозить ему судомъ Божиимъ, а въ случаѣ на-

добрости и отлученіемъ. Но когда и это не подѣйствуетъ, то за тѣмъ уже всякое личное дѣйствіе священника въ этомъ случаѣ должно быть оставлено и онъ долженъ немедленно обо всемъ довести до свѣдѣнія епархіальнаго архіерея, чтобы потомъ уже дѣйствовать по его усмотрѣнію, по обычаю. Въ нашихъ требникахъ обыкновенно помѣщается сборникъ разныхъ правилъ и постановленій подъ заглавіемъ: «Номоканонъ, сирѣчь законоправильникъ, имѣяй правила по сокращенію св. Апостоловъ, и великаго Василія, и св. соборовъ» (или какъ въ малыхъ требникахъ; «Изъ Номоканона нужнѣйшихъ правилъ изъясненіе...»). Въ этомъ сборникѣ, между прочимъ, содержатся разные правила и наставленія объ исповѣди и объ эпитиміяхъ, которыя священники должны назначать кающимся. Но какъ ни важны эти правила по своему историческому значенію, въ настоящее время они не могутъ имѣть неизмѣнной практической важности, да если теперь и могутъ годиться въ какомъ либо отношеніи для священниковъ, то по преимуществу развѣдл для опредѣленія важности того или другаго грѣха по возрѣнію церковному (смотря по важности той или другой эпитиміи, назначаемой за извѣстные грѣхи), но отнюдь не какъ неизмѣнное руководство, котораго священники, по выраженію Духовнаго Регламента, «должны были бы держаться какъ слѣпые» (§ 14). Ибо Церковь наша никогда не смотрѣла на ихъ «аки бы на неудобъ премѣняемые догматы» (Духов. Реглам. тамъ же). Подобно этому и въ нашей русской Церкви «сомнѣнія, съ которыми въ прежнее время многіе относились къ нѣкоторымъ статьямъ Номоканона (при большомъ требникѣ), въ настоящее время разрѣшены законодательнымъ порядкомъ отъ Св. Синода въ томъ смыслѣ, что эти статьи не имѣютъ каноническаго основанія, и слѣдовательно могутъ остаться безъ дѣйствія» (Номокан. при б. требникѣ, А. Павлова, Одесса 1872 г., стр. 32; сравн.

самъ же, стр. 186—204). Вслѣдствіе этого каждый священникъ относительно этихъ правилъ долженъ всегда имѣть въ виду слѣдующее постановленіе Духовнаго Регламента: «не непрѣмны суть о эпитиміяхъ каноны, по разсужденію отца духовнаго оставлены, который долженъ есть смотрѣти, кто и каковъ есть кающійся, и можетъ умножать и умалять время и количество эпитиміи и едину эпитимію предлагати на другую. Собственно же и именно оную, въ древнемъ обычаѣ бывшую эпитимію, еже на долгое время лишати причастія Св. Таинъ (въ настоящее время) оставити, и кому не употребляти подобаетъ» (Духовн. Реглам. прибавл. § 14).

(Полоцк. еп. вѣд.).

Какихъ военныхъ чиновъ слѣдуетъ вѣнчать безъ особаго разрѣшенія?

Безъ разрѣшенія военнаго начальства, по объясненію управленія смоленскаго губернскаго воинскаго начальника, духовенство можетъ вѣнчать военныхъ нижнихъ чиновъ:

1) Выполнившихъ воинскую повинность и имѣющихъ о томъ свидѣтельство.

2) Находящихся въ отставкѣ по выданнымъ имъ указамъ и

3) Состоящихъ въ запасѣ (бывшихъ временно и безсрочно отпускныхъ) по увольнительнымъ билетамъ.

Примѣчаніе. Чистопольскій уѣздный воинскій начальникъ просилъ казанскую дух. консисторію сдѣлать распоряженіе, чтобы священники не отказывались вѣнчать безъ особаго разрѣшенія тѣхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, которые имѣютъ у себя увольнительные билеты *по вновь установленной формѣ*, такъ какъ красные и желтые билеты прежней формы отмѣнены съ 1876 г. Вологодскій губернскій во-

инскій начальникъ пояснилъ вологодской дух. консисторіи, что нижніе чины, имѣющіе билеты съ арматурами, означенными кругомъ (чернаго цвѣта съ тонкими вокругъ коймами) и въ нихъ знаками по роду оружія, какаго бы цвѣта эти билеты ни были, имѣють право вступать въ законные браки; а всѣ остальные, имѣющіе билеты безъ арматуръ, права не имѣють. Затѣмъ не дозволяются браки безъ дозволенія подлежащаго начальства:

- 1) Нижнимъ чинамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ (п. I, ст. 25 уст. о воин. повин.).
- 2) Находящимся въ кратковременныхъ отпускахъ, т. е. увольняемымъ въ домовый отпускъ по ежегодно объявляемымъ распоряженіямъ военнаго министра.
- 3) Увольняемымъ изъ частей войскъ за излишествомъ — неспособнымъ по I ст. до перечисленія ихъ въ запасъ.
- 4) Находящимся въ продолжительныхъ для поправленія здоровья отпускахъ, установленныхъ для неспособныхъ по II ст., увольняемыхъ съ отпускными билетами. *)

Послѣдователи различныхъ религій на земномъ шарѣ.

По послѣднимъ добытымъ излѣдователями свѣдѣніямъ, число жителей земнаго шара опредѣляется въ 1424 милліона, говорящихъ на 860 языкахъ. Изъ нихъ къ христіанской религій принадлежатъ 400 мил., къ іудейству болѣе 6 мил.,

*) Вологодскій губернский воинскій начальникъ сообщилъ мѣстной дух. консисторіи, что для поправленія здоровья военные чины могутъ быть увольняемы со службы въ годичный отпускъ (§ 27 временныхъ правилъ, опубликованныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству 1875 г. за № 140). Долговременныхъ же отпусковъ, съ изданіемъ въ 1876 г. приказа по военному вѣдомству, за № 255, не существуетъ. Пользующіеся годичнымъ отпускомъ нижніе чины снабжаются билетами совершенно отличнаго образца отъ документовъ, установленныхъ для запасныхъ нижнихъ чиновъ.

къ магометанству 170 мил. и къ язычеству болѣе 800 милліоновъ. Совсѣмъ безъ религіи не найдено на всемъ земномъ шарѣ ни одного народа, какъ бы дикъ и отсталъ онъ ни былъ.

Въ-частности исповѣдующіе христіанскую религію распредѣляются слѣдующимъ образомъ: православныхъ около 90 милліон., римско-католиковъ около 200 мил. и протестантовъ болѣе 100 милліоновъ. Въ Европѣ, имѣющей 310 мил. жителей, христіане занимаютъ болѣе $\frac{2}{3}$, слѣдовательно свыше 200 мил. Образованность и степень развитія европейскихъ народовъ и различное вліяніе ихъ на остальные части свѣта находятся въ необходимомъ взаимоотношеніи между собою. Каждая изъ главныхъ христіанскихъ церковныхъ формъ, говоря вообще, простирается на извѣстныя, опредѣленныя страны свѣта: такъ, православная церковь, около 70 мил., занимаетъ востокъ; протестантская, тоже число, сѣверъ; римско-католическая, около 150 мил., югъ и юго-западъ. Большая часть жителей Америки, около 86 мил., исповѣдуютъ христіанскую религію. Въ Азіи считается 820 мил. жителей; преобладающее количество между ними составляютъ язычники браминскаго и буддійскаго вѣроисповѣданія; затѣмъ значительное пространство занимаютъ магометане и самое малое — христіане. Въ Африкѣ находится 200 мил. жителей; ни одна часть свѣта не просвѣщена такъ скудно свѣтомъ Евангелія, какъ Африка. Въ Австраліи, имѣющей $4\frac{3}{4}$ мил. жителей, римско-католическая и протестантская церкви встрѣчаютъ, напротивъ, такую готовность къ принятію христіанства, какъ нигдѣ.

Людоѣдство встрѣчается: 1) въ Азіи: на принадлежащемъ Нидерландамъ островѣ Суматрѣ есть нѣсколько независимыхъ владѣній, между ними Баттасъ и на сѣверѣ Ачинъ, съ которыми Нидерланды давно уже ведутъ войну; народъ

здѣсь до нѣкоторой степени развитъ, но и до сихъ поръ преданъ людодѣству; въ туземныхъ священныхъ книгахъ торжественно постановлено, что совершившіе извѣстные преступления подлежатъ сѣденію и это признается дѣломъ вполне справедливымъ; 2) въ Африкѣ, между многими негритянскими племенами, живущими по берегамъ; 3) въ Америкѣ; здѣсь во внутреннихъ частяхъ Гваяны живутъ нѣкоторыя индѣйскія племена, таковы напр. Барибы, сильная и красивая отрасль, постоянно впрочемъ вымирающая, которая отличается людодѣствомъ; 4) въ Австраліи людодѣство встрѣчается на группѣ острововъ Новой Каледоніи, находящихся съ 1853 года во владѣніи французовъ, которые устроили тамъ колонію ссыльныхъ. Такимъ образомъ людодѣство встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ Европы.

(Харьков. Еп. Вѣд.)

Рабство въ древнеклассическомъ мірѣ. Что съ христіанствомъ сдѣлалось общимъ достояніемъ всѣхъ, — свобода, — то въ древнемъ мірѣ, въ Аѣнахъ, въ Спартѣ, въ Римѣ было привилегіей только меньшинства по сравненію съ массой рабовъ. Въ Аѣнахъ въ цвѣтущее время ихъ исторіи свободныхъ гражданъ было около 20,000, пользовавшихся извѣстною долею благосостоянія; имъ доступны были и всѣ утонченныя удовольствія жизни, за то 350,000 рабовъ обречены были при этомъ на недостойное челоуѣка существованіе. Въ Спартѣ на 36,000 полноправныхъ гражданъ приходилось 244,000 гелотовъ, которые содержимы были хуже животныхъ, а 120,000 періаковъ при этомъ должны были исполнять всѣ обязанности по отношенію къ государству, но не имѣли никакихъ политическихъ правъ. Въ Коринѣ число рабовъ простиралось до 460,000, на Эгинѣ до 470,000. Въ Римской имперіи рабы и голый пролетаріатъ считались милліонами. Нѣкоторые изъ знатныхъ Римлянъ имѣли по 10 и

20,000 рабовъ. Послѣ возмущенія рабовъ въ Сицилиі (за 135—132 г. до Р. Хр.) они были казнимы тысячами; послѣ войны Спартака ихъ за разъ по дорогѣ изъ Капуи въ Римъ было распято на крестахъ до 6,000. Съ ужасомъ наше время отвертывается отъ этихъ картинъ. Даже въ лучшія времена по отношенію къ рабамъ практиковались между Греками и Римлянами самыя безчеловѣчныя правила. Аристотель называлъ рабовъ «живымъ товаромъ, болѣе совершенными орудіями, чѣмъ неодушевленные, отъ свободныхъ гражданъ тѣмъ же отличающимися чѣмъ духъ отличается отъ тѣла, животное отъ человѣка». Рабства не пытались даже и устранять, считали его необходимымъ зломъ, закономъ природы, потому что большая часть людей, говорили, состоитъ изъ природныхъ рабовъ. Даже Платонъ, учившій «чистой добродѣтели и справедливости» совѣтовалъ своимъ согражданамъ держать рабовъ строже и не лѣниться наказывать ихъ, потому что отъ простыхъ замѣчаній они только изнѣживаются. За незначительный проступокъ налагаемы были на нихъ тягчайшія тѣлесныя наказанія или же и наказаніе смертію. Съ рабынями обращались точно такъ же; распоряжались ихъ личностью совершенно произвольно и всѣ даже и благороднѣйшіе умы смотрѣли на это спокойно: ни одного слова неодобрительнаго никому не входило на уста, доколѣ не возвысило за нихъ своего голоса христіанство.

(Ярослав. Еп. Вѣд.)

Статистическія выводы относительно того, что сдѣлала Россія въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія. Втеченіе славнаго царствованія Государя Императора, говоритъ «Новороссійскій Телеграфъ», Россія сдѣлала гигантскій шагъ на пути къ славѣ и благополучію. Оглянитесь назадъ, помните тотъ моментъ недавняго прошлаго, когда нашъ ве-

ликой монархъ взошелъ на престоль, и сравните Россію 19 февраля 1855 года съ Россіей настоящаго момента. Слѣдующій рядъ краснорѣчивыхъ цифръ укажетъ вамъ, что сдѣлала Россія втеченіе двадцати пяти лѣтъ.

25 лѣтъ назадъ. Т е п е р ь.

Пространство Европ. и азіат.

Россіи 365096 кв. миль. 401453 кв. м.

Населеніе

Европ. и азіат. Россіи 65200619 жит. 95000000 жит.

Государствен. доходы 264119000 руб. 666553434 р.

Государствен. расходы 535969000 руб. 666256500 р.

(годъ войны).

Дефицитъ 261350000 руб. —

Учебныя заведенія

Университетъ 6 (8)

Студентовъ 3551 5700

Гимназій 95 200

Реальныхъ училищъ — 65

Уѣздныхъ училищъ 495 427

Сельскихъ училищъ 5500 26000

Учащихся въ нихъ 320000 1150000

Учительскихъ семинарій 1 64

Военно-учебныхъ заведен. 27 64

Морскихъ учебн. заведеній 10 65

Женскихъ учеб. заведеній 27 298

Духовныхъ академій 4 4

Духовныхъ семинарій 48 51

Духовныхъ училищъ 223 187

Учащихся 513090 1300000

Кредитъ и акціонерное

дѣло:

Акціонерныя общества 81 600

Капиталовъ ихъ	100000000 р.	2500000000 р.
Сберегательныхъ кассъ	—	100
Городскихъ банговъ	—	270
Сеудо-сберегат. товариществъ и	—	509

Промышленность:

Число фабрикъ	9256	19000
Сумма производства	157000000 р.	500000000 р.

Торговля:

Отпускъ товаровъ	169688134 р.	400000000 р.
Привозъ товаровъ	151686800 р.	500000000 р.

Средства сообщеній и сношеній:

Желѣзной дороги	1092 верст.	20770 в.
Телеграфъ	7326 —	85329 в.

(Церковно-Обществ. Вѣстникъ. за 1880 г. № 22)

ВЪЗВЕДЕНІА.

„УЧЕТНАЯ КОНТОРА“

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 15 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Покупаетъ и продаетъ государственныя цѣнныя % бумаги, акціи, облигации, золото и серебро.

Страхуетъ оба выигрышные займа по 50 к. кромѣ гербовато сбора.

Выдаетъ ссуду подъ I и II выигр. Займы по 200 руб. и болѣе, подъ прочія % бумаги отъ 10% до 20% ниже биржевой цѣны.

Принимаетъ порученія:

На покунку и продажу государственныхъ % бумагъ, а

также акцій промышленныхъ обществъ и желѣзныхъ дорогъ; принимаетъ ихъ въ залогъ, допуская уплачивать долгъ частями и заранее срока выкупа внесенныя деньги возвращаетъ 5% годовыхъ.

На выкупъ заложенныхъ въ здѣшнихъ банкахъ или конторахъ % бумагъ для перезалога у себя увеличивая ссуду.

Бесплатно выдаетъ справки о вышедшихъ въ тиражъ погашенія % бумагъ и дѣлаетъ обмѣнъ талоновъ I съ выигр. займа а также и 5% Госуд. Банковыхъ Билетовъ I выпуска.

Платить:

По вкладамъ 6 мѣсяч. и годовымъ по 6% до 3 л. 9%, свыше 3 л. по обоюдному соглашенію; кромѣ того каждый вкладчикъ на основаніи § 6 Товарищескаго договора, участвуетъ въ 20% ежегодно отчисляемыхъ изъ чистаго дохода Учетной Конторы, которые, по окончаніи отчетнаго года, распределяются въ дивидендъ между вкладчиками соразмѣрно ихъ вкладамъ и времени пребыванія оныхъ въ конторѣ.

Всякаго рода порученія исполняются аккуратно и немедленно.

Отъ Воронежской епархіальной комиссіи по церковно-свѣчной операціи.

1) Съ 1 Юля сего 1880 года свѣчи отпускаются отъ комиссіи по церквамъ епархіи восковыя по 24р. и огарочныя по 17 руб. за пудъ; 2) огарки принимаются въ уплату за свѣчи по 12 руб. за пудъ; 3) желтый пчелиный воскъ или сдается о. о. комиссіонерамъ, или непосредственно въ комиссію по 18 руб. пудъ; 4) церковно-свѣчной складъ переведенъ изъ кругаго ряда на Епархіальной свѣчной заводъ близъ Чижевки около колокольнаго завода Самофаловыхъ; 5) При устройствѣ завода въ настоящее время и при откры-

ти его въ концѣ Іюля мѣсяца, комиссія имѣть нужду въ деньгахъ, почему покорнѣйше просить о. о. Коммиссіонеровъ и настоятелей церквей и церковныхъ старостъ незадерживать уплату за полученныя ими отъ комиссіи свѣчи.

При Воронежской Духовной Семинаріи открывається должность надзирателя съ жалованьемъ 600 рублей серебромъ. Студенты семинаріи, желающіе занять оную должность, имѣютъ обратиться съ прошеніями на имя ректора не позднѣе 1-го числа мѣсяца Іюля.

СОДЕРЖАНІЕ:

— Поученіе о главныхъ истинахъ христіанской вѣры. — О пятидесятищѣ. — Списки министровъ и оберъ прокуроровъ Святейшаго Синода. — Разныя извѣстія. — Объявленія.

— Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *Димитрій Пльвинскій*.

СЛАВЯНИНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ,

какъ реформаторъ Европейской школы.

„Великая Дидактика“

Русскій переводъ 1878 года.

§ 13. Такая организація знанія, постепенно расширяющагося изъ простыхъ элементовъ до универсальнаго образованія, имѣтъ своимъ условіемъ *самодѣятельность* учащагося, которая есть корень и вмѣстѣ вершина всего интеллектуальнаго развитія чело- вѣка: все изъ самодѣятельности и все для самодѣятельности, вотъ законъ духовнаго развитія, на которомъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Коменскій въ своей дидактикѣ и на кото- ромъ никогда нельзя съ достаточною силою настаивать въ педа- гогикѣ. *Природа выводитъ все изъ корня, а не изъ чего либо другаго.* Школы же, пишетъ Коменскій, до сихъ поръ не забо- тились о томъ, чтобы умы учениковъ, подобно молодымъ деревь- ямъ, развивались изъ собственнаго корня, они учили навѣшивать на себя собранныя съ разныхъ деревьевъ вѣтки, и такъ обр. подобно Езоповой воронѣ украшать себя черными перьями; шко- лы не только не трудились раскрывать скрытый въ ученикахъ источникъ разумнія, но торопились его наполнить водою изъ чужихъ ручьевъ. Это значить: школа объясняла не самыя вещи, каковы онѣ сами по себѣ, но лишь то, что о томъ или другомъ предметѣ думаетъ и имѣтъ первый, второй, третій, десятый, лишь бы имѣтъ видъ большой учености, знать о многомъ разно- рѣчивыя мнѣнія многихъ. Отсюда получался тотъ результатъ, что большая часть учителей занималась только тѣмъ, что перелисты- вая и перевертывая писателей, выдергивала изъ нихъ мнѣнія и набирала массу оборотовъ, фразъ, взглядовъ, составляя такъ образомъ „науку,“ какъ халать изъ лоскутьевъ. Къ нимъ-то об- ращается Гораций, говоря: о подражатели, рабочей скотъ! „Под- линно скотъ, привыкшій носить только чужія тяжести!—Видѣтъ чужими глазами, постигать предметы чужимъ умомъ—этотъ общій способъ обученія по всѣмъ отраслямъ занятій, научающій не от- крывать *самостоятельно источника* знанія, и выводить изъ

нихъ различные *ручейки* и требующій восхожденія по нимъ до источника. Но никакіе лексиконы не научаютъ говорить, но только понимать рѣчь, грамматика не учитъ создавать языкъ, но только различать его. Почти никто доселѣ не учитъ физикѣ нагляднымъ путемъ, посредствомъ наблюденія и опыта. Правственность никто не образуетъ путемъ улучшенія чувствованій, но назидаютъ часто внѣшними объясненіями и раздѣленіями добродѣтелей, чѣмъ затемняютъ дѣло. Въ этомъ заблужденіи и дѣйствительно кроется причина столь медленныхъ успѣховъ науки. Ибо ученость многихъ, если не большей части ограничивается чистою номенклатурою, образованіе ни у кого не становится однимъ общимъ знаніемъ, которое бы само себя поддерживало, укрѣпляло и распространяло; но представляетъ обыкновенно нѣчто въ родѣ компіляціи, составленной изъ разнородныхъ доскутъевъ, ни гдѣ порядочно не скрѣпленныхъ между собою, — компіляціи, не приносящей сколько нибудь прочнаго плода. Ибо что пользы, если въ сужденіяхъ объ извѣстныхъ вещахъ руководствоваться мнѣніями различныхъ людей, тогда какъ требуется точное познаніе вещей? Если мы будемъ держаться цѣли крѣпко и вѣрно, то зачѣмъ намъ не стремиться къ ней прямымъ путемъ, а не плестись за другими, зачѣмъ охотнѣе употреблять чужіе глаза, чѣмъ свои собственные? Люди должны быть настолько образованы, чтобъ быть въ состояніи, по возможности, почерпать дѣйствія познанія не изъ книгъ, но изъ неба и земли, изъ дубовъ и буковъ, т. е. всѣ должны учиться познавать и изслѣдовать *самыя вещи*, а не только изучать чужія наблюденія и свидѣтельства о вещахъ. И такъ слѣдуетъ поставить закономъ: *все должно выводиться изъ неизблемыхъ началъ вещей, и ничему не должно учить на основаніи только авторитета, но все должно сообщать путемъ чувственного воспріятія и на основаніи самостоятельнаго изслѣдованія (критики) разума.*

Но возникая, развиваясь и укрѣпляясь во внутреннемъ корнѣ разумнѣя (in interiore intelligentiae radice), образованіе должно выходить наружу — въ сучья и вѣтви, — т. е. *чтобы то, что сообщается для развитія разумнѣя, въ тоже время высказывалось и практически выполнялось*, чтобы ученики научились приводить въ исполненіе изученное, — послѣдній принципъ обученія, требующій, чтобы созерцательная жизнь воспитанника находилась въ равновѣсїи и гармоніи съ практическою, чтобы образованіе не ограничивалось умственнымъ созерцаніемъ, но переходило въ дѣятельное творчество, заканчивалось практическимъ примѣненіемъ

къ дѣлу, жизни. Природа, говоритъ Коменскій, сохраняетъ соразмѣрность между корнемъ и сучьями, сохраняя количественность и качественность отношеній между внутреннимъ и вѣшнимъ, и она не производитъ ничего, что не могло бы имѣть вскорѣ полезнаго примѣненія. И обученіе должно имѣть тотъ часъ полезное примѣненіе на практикѣ. И такъ *все, что воспринимается, должно быть изучаемо, въ силу соображенія, какую пользу принесетъ приобретаемое знаніе, дабы не учить чего нибудь напрасно. Что воспринято, то должно передаваться сообщеніемъ отъ одного къ другому, дабы не знать чего либо бесполезно. Твое знаніе ничтожно, если никто не знаетъ, что ты знаешь.* И обученіе для ученика будетъ гораздо легче, если обучая его чему нибудь, показываютъ въ тоже время, какую пользу можетъ принести изучаемое въ практической жизни. Если этаго не дѣлать, то вещи, о которыхъ учитель будетъ говорить, покажутся ребенку чудовищами, пришедшими изъ невѣдомаго міра. Ученикъ не знаетъ, существуютъ ли въ дѣйствительности эти предметы и какъ они сдѣланы. Покажи ему ихъ, дай ему въ руки, чтобъ дѣйствительно узналъ онъ то, о чемъ ему говорятъ, и самъ научился дѣйствовать. Нужно учить не только *понимать* вещи, но и *понятое* выполнять и примѣнять къ дѣлу. Ученикъ долженъ умѣть выражать то, что знаетъ, равно какъ и понимать то, что выражаетъ. Рѣчь и знаніе должны итти рука объ руку. Необходимо, чтобы ученикъ не только ясно понималъ какую пользу принесетъ приобретенное имъ знаніе, но чтобы все понятое имъ могъ передавать другимъ. Коменскій считаетъ передачу, сообщеніе другимъ того, что усвоено ученикомъ, окончательнымъ моментомъ обученія и приписываетъ этому чрезвычайно важное дидактическое значеніе. Весь учебный процессъ онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „много спрашивать, спрошенное усвоить, усвоенное сообщать (*multa rogare, rogata tenere, retenta docere!*)“ Первые двѣ степени извѣстны въ школахъ, третья еще недостаточно практикуется; но было бы въ высшей степени полезно, если бы она была введена. Ибо справедливо: кто обучаетъ другихъ, тотъ обучаетъ самъ себя,“ не только потому что повтореніемъ воспринятаго укрѣпляетъ въ себѣ знаніе, но и потому что находитъ побужденіе вникать глубже въ дѣло.

§ 14. Изъ духа основныхъ законовъ воспитательнаго обученія,—которые составляютъ прямую параллель, или выводъ всестороннихъ законовъ духовнаго развитія, законовъ общихъ всему

развивающемуся въ природѣ, — опредѣляется уже самый характеръ педагогическаго метода, который у Коменскаго и называется *естественнымъ* (naturalis) способомъ обученія, т. е. сообразнымъ съ естественнымъ процессомъ внутренняго самопроизвольнаго развитія духа. Но Коменскому принадлежит не только философская формула идеи педагогическаго метода, но и самое точное опредѣленіе и полное раскрытіе педагогическаго метода въ отличіе отъ метода научнаго, словомъ, ему принадлежит созданіе общей методикѣ обученія, или, по его выраженію, педметодологіи.

До какой степени идея педагогическаго метода смутно и неопредѣленно понималась до Коменскаго, это лучше всего видно изъ словъ Вэкона—творца научнаго метода, который однако же смѣшиваетъ методъ учебный, педагогическій, субъективный съ методомъ ученымъ, объективнымъ. Нападая на неестественный способъ ученія, который состоялъ въ обученіи исключительно языкамъ—словамъ, а не вещамъ, Вэконъ чувствуетъ различіе между научнымъ изслѣдованіемъ и педагогическимъ обученіемъ и ихъ методами, изъ которыхъ одинъ, по его выраженію, идетъ отъ легкаго къ трудному, а другой отъ труднаго къ легкому („тамъ плаваютъ на пузыряхъ, здѣсь—танцуютъ въ тяжелыхъ башмакахъ“), но опредѣляетъ учебный методъ такими признаками, которые показываютъ, какъ мало уяснилъ себѣ идею педагогическаго метода—этотъ творецъ научнаго метода. „Метода обученія, говоритъ онъ, должна быть сообразна съ предметами: нельзя кроить всего по одной и тойже мѣркѣ. Но есть стороны, въ которыхъ метода должна быть одна и таже, какъ научная, такъ и учебная. Эта метода состоитъ въ томъ, что преподаватель вводитъ ученика въ науку тѣмъ же путемъ, какимъ дошелъ до нея самъ.“ Коменскій вполне сознавая единство педагогическаго метода и настойчиво требуя въ обученіи на всѣхъ ступеняхъ его и по всѣмъ предметамъ примѣненія одного и тогоже метода (универсальной методѣ), видитъ поэтому самому въ педагогическомъ методѣ совершенный контрастъ научному методу. Ученый методъ долженъ образоваться *съ предметомъ* и его объективными условіями, педагогическій на оборотъ исключительно съ законами и порядкомъ развитія личности ученика. Отсюда первый—объективный способъ изслѣдованія, послѣдній—чисто субъективный способъ возбужденія. „Для всѣхъ наукъ, равно какъ для искусствъ и языковъ имѣется и существуетъ одна только метода, такъ какъ законы развитія челоѣческой природы одни и тѣже. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ предметы знанія и умѣнья, какъ предметы обученія

должны имѣть одну и ту же *естественную*, т. е. обусловливаемую природными способностями и успѣхами развитія учениковъ, методу. Различіе предметовъ относительно ихъ усвоенія, равно какъ и отклоненіе въ методахъ не настолько значительны, чтобы требовали новыхъ, особенныхъ видовъ методы. Природа все производитъ, сохраняя единство формы. Какъ происходитъ образованіе одной птицы, также точно и всѣхъ остальныхъ, — одинаково даже образованіе всѣхъ живыхъ существъ. И въ растеніяхъ, какъ одна трава происходитъ изъ сѣмени, какъ одно дерево сѣется, пускаетъ листья, цвѣтетъ, такъ и всѣ остальные повсюду, всегда. Какъ устроенъ одинъ листъ на деревѣ, такъ устроены и всѣ остальные, и каковы они въ одномъ году, таковы и въ слѣдующемъ, таковы и всегда. Въ школахъ же не только различные учителя преподають науки различнымъ образомъ, но одинъ и тотъ же учитель преподаетъ различно. Эта *перемѣна методы*, говоритъ Коменскій, *сбиваетъ юношество* и прямо поселяетъ въ немъ отвращеніе къ занятіямъ. Поэтому необходимо, чтобы *одна и та же метода существовала для преподаванія всѣхъ наукъ, искусствъ и языковъ*. Изъ сопоставленія возрѣній Бэкона и Коменскаго — очевидно, что если Бэкону приписывается слава яснаго и отчетливаго опредѣленія научнаго метода *по идеѣ знанія*, то Коменскому принадлежитъ неотъемлемая слава истолкованія учебно-педагогическаго метода *по идеѣ воспитанія чело-вѣка*. Ни въ какомъ предметѣ, говоритъ Коменскій, не должна быть примѣняема метода исключительно аналитическая. Совершеннѣйшее же обученіе состоитъ изъ синтеза и анализа вмѣстѣ, или синкриза. Части всякаго предмета познаются посредствомъ разложенія (анализа), сложенія (синтеза) и соотношенія съ другими. Отсюда слѣдуетъ, что для полнаго познанія предмета существуетъ три пріема или способа: разлагательный, слагательный и сравнительный или соотносительный, которые по гречески назовемъ: анализомъ, синтезомъ и синкризомъ. "Анализъ идетъ отъ цѣлаго, слитнаго къ частямъ, простѣйшимъ элементамъ цѣлаго (напр. отъ цѣлой связной рѣчи къ элементамъ слова — звукамъ); синтезъ отъ простыхъ элементовъ къ ихъ цѣлому (напр. отъ звуковъ — къ слову и сложной рѣчи); синкризъ указываетъ взаимное отношеніе и сравненіе элементовъ въ ихъ органической сложности, цѣлостности. Поэтому для Коменскаго служитъ педагогической аксіомой, чтобы при обученіи части всякой вещи сперва подвергались анализу, потомъ синтезу и наконецъ синкризу, который даетъ знаніе предмета полное и законченное, или лучше, соеди-

неніе этихъ способовъ обусловливаетъ, по выраженію Коменскаго, самое точное знаніе предметовъ.“ *Реальный* принципъ Коменскаго былъ тотъ же, что у Бэкона, съ идеями котораго нашъ педагогъ былъ основательно знакомъ и вполне конгеніаленъ, сознавая при этомъ, что Бэконъ ничего не сдѣлалъ для примѣненія своихъ началъ къ дѣлу науки вообще и въ особенности—къ принципамъ науки воспитанія. „Когда мнѣ, говоритъ о себѣ Коменскій, попалась въ руки его (Бэкона) книга (*Magna instaurationis*),—этотъ трудъ, достойный полнаго удивленія, на который я смотрю, какъ на восходящую зорю новаго вѣка для философіи, какой требуетъ истинная сущность вещей,—я скоро пришелъ, однакожь, къ печальному убѣжденію, что и самъ великій Веруламъ (Бэконъ), давая истинный ключъ къ природѣ, все таки не раскрываетъ ея тайнъ, а только показываетъ способъ ихъ открытія и представляетъ все прочее наблюденіямъ будущихъ столѣтій. „Одно изъ величайшихъ открытій, именно открытие вѣчныхъ законовъ естественнаго развитія и сообразнаго съ этимъ способа воспитанія человѣка безспорно принадлежитъ слѣдующему за Бэкономъ вѣку въ лицѣ геніальнаго представителя его славянина Коменскаго.

§ 15. Изложивъ идеи Коменскаго о главныхъ приѣмахъ педагогическаго метода, мы теперь приступаемъ къ тому верховному принципу методическаго обученія, который Песталотти признавалъ за свою единственную существенную для дидактики заслугу, именно къ великому началу *наглядности*, какъ безусловному основанію всякаго знанія. Великая дидактика Коменскаго не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что не только впервые постигъ ясно, но философски обосновалъ, точно и обстоятельно истолковалъ, и какъ увидимъ систематически разработалъ и примѣнилъ къ жизни школы это начало, эту основу всей новѣйшей педагогики—все онъ же, истинно творческій геній славянскаго педагога.

„*Познаніе вещей* (науки) есть не что иное, какъ внутреннее *созерцаніе вещей* и пріобрѣтается съ помощію тѣхъ средствъ, какъ и внѣшнее созерцаніе, именно при посредствѣ *глаза, предмета и свѣта*.“ Во внутреннемъ созерцаніи *глазъ* есть *умъ, предметъ*—все сущее внутри и внѣ ума, а *свѣтъ*—*вниманіе*. И такъ прежде всего должно заботиться, чтобы око ума было чистымъ зеркаломъ, способнымъ вѣрно отражать предметы, достойные изученія и дѣйствительно полезныя. Но хорошее отраженіе въ

зеркалѣ обуславливается *явственностію предметовъ*. Легкій туманъ слабо отражается въ зеркалѣ, а какихъ вещей совсѣмъ нѣтъ на лицо, тѣхъ совсѣмъ невидно. По этому юношеству при обученіи должно предлагать не легкія тѣни вещей, а самыя *предметы*, какъ они есть въ дѣйствительности, чтобы возбуждать чувства и воображеніе. И такъ пусть будетъ *золотымъ правиломъ* для школы: „*все должно быть представляемо вѣчными чувствамъ*, насколько оно возможно,—именно: видимое—зрѣнію, слышимое—слуху, обоняемое обонянію, осязаемое—осязанію и вкушаемое—вкусу; если же что нибудь можетъ быть воспринято одновременно нѣсколькими чувствами, то и представляй этотъ предметъ одновременно нѣсколькимъ чувствамъ.“ Едва ли въ педагогикѣ найдется болѣе простая, ясная и точная формула *начала наглядности*. Но Коменскій не только впервые такъ превосходно сформулировалъ идею метода наглядности, *какъ всеобщаго основанія знанія*,—но и обосновалъ эту идею на глубоко-философскихъ психологическихъ и гносологическихъ началахъ. Во первыхъ начало познанія исходитъ всегда отъ вѣшнихъ чувствъ; ибо ничего нѣтъ въ нашемъ познаніи, чего прежде не было въ нашемъ чувственномъ воспріятіи. Слѣдовательно и начало обученія должно также начинаться не съ словеснаго перечисленія предметовъ, *но съ созерцанія самыхъ предметовъ*. Только, когда вещь—на лицо, пусть приступаютъ къ рѣчи объ ней.

Во вторыхъ, истина и достовѣрность познанія основывается ни на чемъ другомъ, какъ на свидѣтельствѣ вѣшнихъ чувствъ. Я довѣряю только тому основному положенію, которое можетъ быть доказано индуктивно, приведеніемъ фактовъ, достовѣрность которыхъ утверждается на вѣшнихъ чувствахъ; ибо чувственное воспріятіе первоначально и непосредственно: вещи прежде и непосредственно запечатлѣваются въ чувствахъ, а потомъ уже представляются въ умѣ; поэтому достовѣрность чувственного воспріятія въ немъ самомъ, между тѣмъ достовѣрность заключеній и посторонняго свидѣтельства въ концѣ концовъ опирается на чувства же. Слѣдовательно, чтобы вѣдрить въ учащихя познаніе, какъ твердое и достовѣрное убѣжденіе, *безусловно необходимо—преподавать все посредствомъ собственнаго наблюденія и чувственной наглядности*.

Въ третьихъ, вѣшнее чувство есть надежнѣйшій руководитель памяти. Отсюда чувственная наглядность обуславливаетъ живость, силу и крѣпость знанія. Если я отвѣдалъ хотя однажды сахара, видѣлъ однажды верблюда и т. п. то эти воспріятія удер-

жаты крѣпко въ памяти и не могутъ исчезнуть изъ нея. Потому же самому дѣти легко и живо запечатлѣваютъ въ памяти съ картинъ библейскія и другія исторіи. Точно такъ, кто присутствовалъ при разсѣченіи челоѳческаго тѣла и внимательно присматривался къ нему, тотъ пойметъ и узнаетъ болѣе, чѣмъ если бы прочиталъ о томъ подробнѣйшія руководства безъ чувственнаго воззрѣнія. *Наглядное воззрѣніе служитъ за объясненіе.*

Когда не имѣется подъ руками самихъ вещей, тогда, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ замѣнять ихъ картинами, моделями, рисунками. Такъ, напр. Коменскій считаетъ необходимымъ въ каждой школѣ имѣть скелеты изъ челоѳч. костей, или даже изъ дерева, но чтобы они окружались приготовленными изъ коры и наполненными шерстью мускулами, нервами и артеріями съ присоединеніемъ легкихъ, сердца, печени, желудка и прочихъ внутренностей, при чемъ они находились бы въ надлежащемъ порядкѣ и соотношеніи. На такой модели, говоритъ Коменскій, ученикъ, при помощи объясненій учителя, почти играючи понялъ бы и узналъ строеніе и отправленіе каждой части своего тѣла. Подобные, доступные непосредственному воззрѣнію препараты слѣдовало бы заготовить по всѣмъ изучаемымъ предметамъ, такъ чтобы они всегда были подъ рукою въ школѣ. Если бы возникло сомнѣніе въ возможности представить наглядно все и духовное, и невидимое, и отсутствующее, то пусть, говоритъ Коменскій, не забываютъ, что все устроено въ такой гармоніи, что высшее можетъ найти выраженіе въ низшемъ, отсутствующее объяснено присутствующимъ, невидимое—видимымъ. Так. обр. все можетъ быть доведено до наглядности. Необходимый при этомъ *свѣтъ*,—какъ условіе наглядности, безъ котораго напрасно представлять предметы глазу,—есть *вниманіе*, съ помощью котораго обучающійся воспринимаетъ все своимъ напряженнымъ и какъ бы рождающимъ духомъ. У кого нѣтъ этаго свѣта, у того все исчезаетъ изъ глазъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и изъ ума, подобно тому, какъ челоѳкъ съ закрытыми глазами, или при отсутствіи свѣта ничего не видитъ, хотя бы вещь поднесена была совсѣмъ близко къ глазамъ. И такъ возбужденіе вниманія, чтобы учащійся все воспринималъ любознательнымъ духомъ, есть первое условіе обученія.

§ 16. Идеи Коменскаго о цѣлостности, гармоніи и полнотѣ воспитательнаго обученія, какъ педагогической энциклопедіи, идея о единствѣ педагогическаго метода, сообразующагося съ развитіемъ личности воспитанника и возводящаго все разнообразіе знаній и умѣній къ единству цѣли воспитанія, естественно и послѣдовательно

привели мысль Коменскаго къ идеѣ такъ называемой унитарной или классной системы преподаванія, рациональность которой только въ послѣднее время все болѣе и болѣе признается педагогами, да и то далеко не всеми, потому что не многими сознаются тѣ всеобъемлющія универсальныя педагогическія идеи, которыя вызываютъ необходимость этой системы и которыя съ такимъ глубокимъ пониманіемъ ихъ основаній и вѣрнымъ указаніемъ средствъ для ихъ осуществленія высказаны Коменскимъ за двѣсти слишкомъ лѣтъ прежде, чѣмъ эта педагогическая проблема стала интересовать современную педагогику. Глубоко сознавая недостатки современной ему системы преподаванія, которые состояли въ безсвязности и разединеніи того, что связано природою, (такъ, говоритъ Коменскій, учать одному чтенію, одному письму, между тѣмъ какъ чтеніе и письмо, слова и вещи, знаніе и искусство должны совершаться вмѣстѣ),—въ не энциклопедическомъ, не полномъ, а отрывочномъ преподаваніи науки и искусства,—въ недостаткѣ единства метода, который различается въ каждой школѣ и въ каждомъ предметѣ,—въ неумѣннѣ занимать учащихся одновременно разнообразными занятіями, которыя при этомъ составляли бы живое единство, Коменскій указываетъ, какъ на вѣрнѣйшее и дѣйствительнѣйшее лѣкарство противъ этихъ болѣзней, (которыя страдаютъ школы и въ наше время не менѣе) въ единствѣ преподаванія различныхъ предметовъ, сосредоточеннаго въ одной личности преподавателя и въ одномъ методѣ преподаванія, въ томъ, чтобы каждая школа или классъ имѣлъ только одного учителя. Коменскій объясняетъ свою мысль слѣдующимъ великолѣпнымъ сравненіемъ. „Мы должны взять себѣ въ примѣръ солнце и наблюдая метель солнца, его образъ дѣйствія отнести это къ способамъ дѣйствія школы. Солнце не занимается отдѣльнымъ предметомъ: ни деревомъ, ни животнымъ, оно все освѣщаетъ, даетъ всему жизнь, теплоту, силу отъ элементовъ до высшихъ органическихъ формъ. Оно освѣщаетъ все одними и тѣми же лучами, въ одно и тоже время оно вездѣ, гдѣ даетъ начало веснѣ, лѣту, осени и зимѣ, заставляя все распускаться, цвѣсти и приносить плоды свойственные, конечно, природѣ каждаго. Оно соблюдаетъ постоянно одинъ и тотъ же порядокъ, производя все, что должно, въ одно время: древесину, кору и сердцевину, цвѣты и листья, плоды и сѣмена.—но производя все въ извѣстной послѣдовательности и связи, такъ что одно другому пролагаетъ путь, одно къ другому подготавливаетъ. То будетъ истиннымъ подражаніемъ солнцу, когда каждая школа или классъ будетъ имѣть только одного

учителя, который одно и тоже дѣло будетъ примѣнять къ цѣлому классу, преподавая всѣ науки и искусства однимъ и тѣмъ же способомъ, соединяя все сродное и находящееся въ естественной связи, соблюдая во всемъ естественную постепенность и внутреннюю послѣдовательность, чтобы сегодняшнимъ укрѣпить вчерашнее и проложить путь для завтрашняго. Едва-ли кто изъ современныхъ пропагандистовъ унитарной системы преподаванія могъ глубже и универсальнѣе понимать и лучше выразить идею, лежащую въ основѣ этой системы.

Впрочемъ Коменскій не ограничивается только постановкою задачи классной системы обученія, но и предлагаетъ полную систему правилъ успѣшнаго веденія дѣла по этой системѣ. Указывая общіе приемы и формы организациі класснаго преподаванія, сосредоточеннаго въ одномъ учителѣ, Коменскій указываетъ на необходимость раздѣлить классъ на отдѣленія, или группы (десятки) по степени умственнаго развитія учениковъ и ввести взаимное обученіе—приемъ естественно вытекавшій изъ основныхъ законовъ воспитанія, крайность и антипедагогическое примѣненіе котораго принадлежитъ дѣйствительно Ланкастеру, но открытіе и указаніе въ немъ истинно-педагогическаго значенія сдѣлано все имъ же, славянскимъ педагогомъ—Коменскимъ. Учитель же непосредственно наблюдая за всѣми и руководя всѣми, никогда не обучаетъ учениковъ по одному, какъ-бы занятый травлею отдѣльныхъ личностей, но одновременно и за-разъ всѣхъ: онъ долженъ быть солнцемъ. Чтобы всѣмъ доставить свѣтъ и жизнь, онъ долженъ поддерживать вниманіе—этотъ свѣтъ ума—во всѣхъ ученикахъ.

Величайшее дѣло обученія—возбужденіе и культура вниманія—и это первая и главнѣйшая обязанность учителя, которую онъ можетъ выполнить, когда старается сообщать всегда что либо новое, интересующее и полезное, когда при этомъ не ограничивается простою передачею свѣдѣній памяти учениковъ, но возбуждаетъ въ нихъ самостоятельность мысли посредствомъ наводящихъ вопросовъ (евристическая и сократическая форма преподаванія),—когда все сообщаемое представляется по возможности *наглядно* (форма деиктическая), когда по временамъ для возбужденія учениковъ, прерывая свою рѣчь, говорить: „ты, или ты, повторите, что я сейчасъ сказалъ? Вы, скажите по поводу чего мы дошли до этого? Или подобное тому, смотря потому, на какой степени знаній стоитъ классъ,—когда, по окончаніи урока представляетъ ученикамъ самимъ спрашивать о томъ, о чемъ они же-

лаютъ получить поясненіе. Такимъ образомъ, упражняя вниманіе и возбуждая самодѣятельность и любознательность въ ученикахъ, учитель дѣйствительно воспитаетъ въ нихъ привычку приматься за все съ надлежащимъ присутствіемъ духа, съ самодѣятельною энергіею, не выжидая поощреній и подталкиваній. Если бы школы были таковы, то развѣ нельзя было бы рассчитывать на приращеніе плодоноснѣйшее умныхъ головъ? При всемъ искусствѣ, съ которымъ учитель долженъ помогать умственному развитію учениковъ, для послѣднихъ нужны учебныя пособія, учебныя руководства. Коменскій понималъ всю важность цѣлесообразно составленныхъ учебныхъ руководствъ. Каждый классъ долженъ имѣть свое отлично и цѣлесообразно составленное руководство, которое ученики съ учителемъ должны изчерпать и переработать мыслью. Коменскій опредѣляетъ какъ содержаніе, педагогически расположенное и примѣненное къ образовательнымъ цѣлямъ, такъ и форму изложенія, соответствующую естественному процессу развитія воспитанниковъ. Толстыя книги и многословіе мало помогаютъ развитію. Человѣкъ — микрокосмъ, содержащій въ себѣ все, и необходимо только освѣщеніе этого малаго міра. Для этого нерѣдко достаточно одного свѣтового луча. Коменскій, сообразно своимъ основнымъ педагогическимъ законамъ, полагалъ, что въ учебникахъ должны излагаться основныя начала, простѣйшіе элементы науки или искусства, изъ которыхъ все остальное (спеціальное и подробное частное) выводится, къ которымъ все примыкаетъ. Содержа только кратчайшее, такія руководства, по идеѣ Коменскаго все таки должны содержать полное міровѣденіе или вещьвѣденіе въ доступной каждому формѣ (педагогическая энциклопедія). Лучшею же формою изложенія Коменскій признаетъ диалогическую, разговорную, (катихетика), какъ самую живую и естественную, ибо нѣтъ ничего болѣе естественнаго и искренняго, какъ разговоръ, который возбуждаетъ, оживляетъ и усиливаетъ вниманіе именно посредствомъ обмѣна вопросовъ и отвѣтовъ.

Настаивая на единствѣ порядка преподаванія, сосредоточеннаго въ одномъ учителѣ по всемъ предметамъ извѣстнаго класса, Коменскій далекъ отъ того однообразія классныхъ занятій, которое наводитъ скуку и ведетъ къ односторонности, переходя въ исключительность и разьединенность и отрывочность. Согласно съ основнымъ принципомъ цѣлостности и энциклопедической полноты обученія, Коменскій требуетъ, чтобы образованіе юношества было такъ устроено, чтобы каждая работа приносила болѣе, чѣмъ одинъ плодъ. Общій законъ этого способа онъ выражаетъ такъ: всегда

и вездѣ относительное должно разсматриваться съ своимъ соотносительнымъ, напр. слово и вещь, чтеніе и письмо, упражненіе въ слогѣ съ упражненіемъ въ мышленіи, обученіе и ученіе, веселое и серьезное. И такъ когда бы и какому бы языку не учили, хотя бы даже своему родному, должно показывать вещи, обозначаемаыя словами, и на оборотъ, ученики должны быть научаемы выражать въ словахъ то, что они видятъ, слышатъ, осязаютъ, вкушаютъ, чтобы языкъ постоянно развивался параллельно съ разсудкомъ. *На сколько кто понимаетъ, на столько онъ долженъ уметь говорить, или на оборотъ, кто что говоритъ, то онъ долженъ понимать.* Кто не можетъ выразить своихъ мыслей, тотъ подобенъ статуѣ; а кто болтаетъ безъ разумія, тотъ попугай. И такъ рѣчь и вещи, вещи и рѣчь должны идти равнымъ шагомъ. Точно также упражненія въ чтеніи и письмѣ должны имѣть общую связь въ изящно обработанномъ руководствѣ. Ибо для учениковъ, обучающихся азбукѣ, едвали можетъ быть придумано болѣе дѣйствительное побужденіе и болѣе сильная приманка, какъ если заставляютъ ихъ изучать буквы посредствомъ написанія ихъ. Желаніе чертить и рисовать почти природно дѣтямъ, а потому упражненіе это доставляетъ имъ удовольствіе, да и сила воображенія сильнѣе возбуждается дѣйствіемъ двухъ чувствъ. Когда потомъ они будутъ упражняться въ болѣе бѣгломъ чтеніи, то пусть выбираются такія статьи, которыя должны быть изучаемы ими въ послѣдствіи, напр. такія, которыя сообщаютъ познаніе природы, правила морали, благочестія. Такое въ высшей степени полезное содержаніе должно быть распространено на всю область учебныхъ занятій. Такъ въ слогѣ должно упражнять на одномъ и томъ же предметѣ науки или искусства, на которомъ въ этомъ классѣ упражняется и умъ, — задавая ученикамъ или извлеченіе, или опыты въ подражаніи, такъ что одною и тою же работою упражняется и слогъ и умъ, при чемъ все это передается собственною рѣчью. — Очевидно, что всѣ улучшенія современной методики элементарнаго обученія суть примѣненія этихъ идей всеобъемлющаго гения Коменскаго.

§ 17. До сихъ поръ, пишетъ Коменскій, переходя отъ методовъ умственнаго образованія къ принципамъ нравственно-религіознаго воспитанія, было говорено о томъ, какъ обучать и обучаться. Но мы должны не только *узнать*, но и *научиться*, ибо ученіе есть только подготовленіе къ большому, именно къ тому, что я выше называлъ словами: нравственность и религіозность, посредствомъ которыхъ мы дѣлаемся высшими изъ твореній, при-

ближаясь къ Самому Богу. Нравственность, какъ цѣльность чело-
вѣческой личности, важнѣе учености, которая есть только сред-
ство къ нравственности и религіозности, составляющимъ высшія
украшенія челоѳической души. Такимъ образомъ конечная цѣль
воспитанія—у Коменскаго—образовать нравственно-религіозный
характеръ; школа есть мастерская для образованія челоѳичности,
т. е. образованіе должно дѣлать людей истинными людьми, *нрав-
ственными личностями*.

Идеаль нравственнаго типа или характера, который состав-
ляетъ послѣднюю цѣль воспитанія, у Коменскаго слагается изъ
тѣхъ же существенныхъ чертъ истинно челоѳического характера,
которыя характеризовали и Сократовскій этологическій идеаль,
озаренный у Коменскаго высшимъ просвѣтительнымъ началомъ
христіанства. Никакое зданіе не воздвигается безъ фундамента,
или на дурномъ фундаментѣ: и для нравственнаго созиданія че-
лоѳической личности прежде всего должны быть положены нрав-
ственныя основы челоѳичности, главнѣйшія добродѣтели, на ко-
торыхъ основываются всѣ прочія и которыя должны быть выдѣ-
рены юности всѣ безъ исключенія, (все что справедливо и че-
стно не можетъ имѣть исключенія) именно: благоразуміе, само-
обладаніе, умѣренность, справедливость и благочестіе (у Сократа:
мудрость, воздержаніе, мужество, справедливость и святость). Мы
вполнѣ согласны съ С. И. Миропольскимъ, который, указывая
на главу о методѣ нравовъ, посвященную глубокомысленному ана-
лизу процесса и началъ нравственнаго образованія челоѳика, за-
мѣчаетъ, что въ этой главѣ мы находимъ глубокія основы для
иѳологии, какъ науки о законахъ образованія нравственнаго
челоѳического характера, основанной на идеѣ о назначеніи чело-
ѳика, которая составляетъ душу всей воспитательной системы
Коменскаго. Въ этомъ великомъ дѣлѣ, какъ созданіе науки объ
образованіи нравственнаго характера, первыя основы заложилъ
великій эллинъ Сократъ, и на этихъ основахъ воздвигъ полную,
величественную и возвышенную систему, гуманно-христіанскаго
воспитанія славянине Коменскій.

Коменскій, указавъ задачу и основы нравственно-религіозна-
го образованія челоѳика, представляетъ столь глубокое и полное
опредѣленіе его метода, что каждый афоризмъ, въ которыхъ
онъ излагаетъ методу нравовъ и благочестія, по справедливости
должно признать золотымъ правиломъ мудрости и полнымъ вы-
раженіемъ принциповъ христіански-гуманнаго воспитанія.— Благо-
разуміе питомцы должны приобрѣтать посредствомъ хорошаго

преподаванія, которое научило бы познавать и оцѣнивать истинное различіе и достоинство вещей. Вѣрное сужденіе о предметахъ и ихъ достоинствѣ составляетъ основаніе разумности и всякой добродѣтели: знаніе, какъ выражалъ тотъ же самый принципъ на своемъ языкѣ Сократъ, есть добродѣтель, а незнаніе — порокъ. Умѣренность они должны пріобрѣсти посредствомъ воздержанія при пріемѣ пищи и питія, при снѣ и бдѣніи, при работѣ и отдыхѣ, при разговорѣ и молчаніи, обуздывая склонность къ болтовнѣ, или игрѣ, къ нетерпѣнію, ненависти, гнѣву и т. д. Разумъ долженъ руководить человѣка: нужно упражнять дѣтей все совершать съ основаніемъ и разумностію, а не съ порывомъ и страстностію. При воспитаніи сомообладанія въ высшей степени полезно приучать дѣтей исполнять волю другихъ, а не свою только. Справедливости они научаются, когда никого не обижаютъ, каждому отдаютъ свое, избѣгаютъ лжи и хитрости и стараются имѣть готовность услужить другимъ. Мы, говоритъ Коменскій, существуемъ не для однихъ себя, но и для ближнихъ: т. е. для человѣческаго общества. Слѣдовательно нужно прилежно запѣчатлывать въ юношествѣ эту общую задачу нашей жизни. Отсюда произойдетъ общее возвышеніе благосостоянія, когда всѣ пойдутъ рука объ руку и вездѣ другъ другу сымѣютъ и пожелаютъ служить. Коменскій глубокое педагогическое значеніе придаетъ для образованія воли навыку къ честному труду, чтобы дѣти не сдѣлались нелюдимыми, тунеядцами и бесполезнымъ бременемъ земли. При этомъ онъ даетъ глубоко вѣрный способъ образовать привычку къ труду: дѣти пріобрѣтаютъ ее, когда они постоянно что нибудь дѣлаютъ, будетъ ли это серьезное дѣло, или развлеченіе. Постоянныя занятія превращаются въ прилежаніе, такъ что въ концѣ концовъ дѣлаютъ дѣятельному человѣку бездѣятельную праздность не выносимою. Вообще пріобрѣтеніе хорошихъ привычекъ съ дѣтства имѣетъ чрезвычайное значеніе: чѣмъ разъ бочка была наполнена, тѣмъ долго еще будетъ отдаваться въ послѣдствіи. Такимъ образомъ основной принципъ нравственнаго образованія какъ и умственнаго, — это упражненія, навыки и живые образы прежде общихъ отвлеченныхъ моральныхъ правилъ, которыя должны слѣдовать за упражненіемъ и подражаніемъ примѣрамъ, улучшая, дополняя и освѣщая ихъ. Поэтому, если родители, учителя по своимъ правиламъ достойны подражанія, то это наилучшее средство возвысить дѣтей до истинно — нравственнаго совершенства. Какъ легко научаются дѣти ходить посредствомъ хожденія, говорить посредствомъ говоренія, труду,

через трудъ, такъ и добродѣтелямъ, говоритъ Коменскій, научаются только посредствомъ соответствующихъ ей дѣйствій: послушанію—послушаніемъ, умѣренности—воздержаніемъ, правдивости—говоря всегда правду, постоянству посредствомъ упражненія въ терпѣннѣи, только бы дѣти не имѣли недостатки въ людяхъ, которые словомъ и примѣромъ шли бы впереди ихъ. Примѣры со стороны родителей, учителей, сотоварищей должны постоянно освѣщать путь. Но развивая такимъ образомъ въ дѣтяхъ нравственныя наклонности и привычки, чтобы образовать самостоятельный нравственный характеръ, предохраняя дѣтей отъ дурнаго деморализующаго вліянія дурныхъ примѣровъ, крайне необходимо соблюдать педагогическую дисциплину, которая составляетъ силу воспитательную по преимуществу въ отношеніи къ характеру и нравамъ воспитанниковъ. Коменскій понималъ все воспитательное значеніе школьной дисциплины. Школа безъ дисциплины, по его простому и энергическому выраженію, все равно что мельница безъ воды. Дисциплина есть именно сила, вѣрное средство сдѣлать учениковъ дѣйствительно учениками. Понимая истинно—воспитательное значеніе дисциплины, Коменскій опредѣляетъ цѣль, характеръ,—и форму дисциплины, какъ дѣйствія воспитывающаго, культурнаго, созидающаго, а не разрушающаго, карательнаго. Школа не должна быть полна крикомъ, ударами, угрозами но—полна бдительности и вниманія. Лучшую форму дисциплины, говоритъ онъ, представляетъ намъ солнце, которое всему даетъ постоянно свѣтъ и теплоту, часто дождь и вѣтеръ, рѣдко громъ и молнію. Воспитатель юношества подражая солнцу свѣтомъ своего собственнаго примѣра, словами наставленія, увѣщанія, иногда и порицанія, сказанными съ теплотою и духомъ отеческой любви, а въ случаѣ только крайности, цѣлесообразнымъ примѣчаніемъ строгости, безъ страстности, гнѣва и ненависти долженъ стараться держать юношество въ предѣлахъ закона. Дисциплина не должна разрушать и уничтожать, но будучи дѣломъ любви и мудрости, никогда не противорѣча самой себѣ, должна возвышать и помогать, вести къ лучшему постепенно, а не насильственно. Послѣ строгости, какъ послѣ грозы должно явиться солнечное сіяніе, т. е. возвратъ любви: ибо она должна внушать не страхъ, а любви къ наказующему.

Вся цѣль дисциплины—по идеѣ Коменскаго, руководить и довести воспитанниковъ до свободнаго исполненія долга, чтобы питомцы, любящіе своихъ образователей, не только охотно дозволяли себя вести туда, куда должны быть приведены, но ревни-

стно желали бы этого. Это настроеніе чувствъ не можетъ быть произведено иными средствами, какъ только добрымъ примѣромъ, ласковымъ словомъ, всегда искреннимъ и открытымъ благорасположеніемъ; посредствомъ же суровой грозы можно дѣйствовать только въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ такъ, чтобы строгость всегда переходила въ любовь, а не была холодною жестокостью. Въ высшей степени замѣчательнъ и поучителенъ взглядъ Коменскаго на тѣлесныя наказанія въ школѣ. «Я прямо высказываю мнѣніе, что розги и палки—эти орудія рабства—совершенно не свойственныя благородству людей,—не должны быть употребляемы въ школахъ, напротивъ должны быть рѣшительно удалены изъ нихъ, какъ негодные даже и для рабовъ и для холопскихъ душъ. Для кого розги и палки служатъ вспомогательными средствами для обученія, въ рукахъ тѣхъ они обратятся только въ бесполезное орудіе; но въ неистовыхъ рукахъ розги будутъ мечами, которыми наказывающіе будутъ истреблять себя и другихъ. Существуютъ другія мѣры взысканій, которыя и могутъ быть употребляемы въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и благородныхъ душъ. Ибо кто видѣлъ когда нибудь чтобъ ювелиръ выполнялъ свои изящныя произведенія посредствомъ ударовъ тяжелаго молотка? Эти произведенія лучше отлить, чѣмъ выковывать.... А мы съ неразумнымъ неистовствомъ обрабатывая изображеніица Бога живаго—разумныя существа—дѣтей,—ужели можемъ надѣяться достигнуть цѣли?! Образователь съ одной стороны приводя своихъ питомцевъ къ послушанію посредствомъ серьезности, съ другой же—ласковымъ обращеніемъ долженъ возвышать ихъ до любви и радостной бодрости. Счастливы мастера такого закала. Счастливо дѣтство при такихъ наставникахъ!

(Продолженіе будетъ).

Печ. дозв. Цензоръ, Протоіерей Магістръ *Н. Пахцицъ*. ЮНІА 15-го дня 1880 года.